

АЛЕКС
ОРЛОВ

ТЮТЮНИН
ПРОТИВ
ИНОПЛАНЕТЯН

ЭКМО

Тютюнин

Алекс Орлов

Тютюнин против инопланетян

«Автор»

2003

Орлов А.

Тютюнин против инопланетян / А. Орлов — «Автор»,
2003 — (Тютюнин)

Инопланетяне уже повсюду! Они продают нам водку, мы голосуем за них на выборах. Они охмуряют народ, чтобы казаться добренькими, а на самом деле это – зеленые, скользкие и противные твари. И ещё – они едят лягушек! Казалось бы, Земля в опасности, но живут на ней Серёга Тютюнин и Леха Окуркин. Сдав бутылки, они начинают действовать, а значит, инопланетянам несдобровать...

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
5	14
6	16
7	18
8	20
9	23
10	25
11	26
12	28
13	30
14	32
15	34
16	36
17	38
18	40
19	41
20	44
21	46
22	49
23	51
24	53
25	56
26	58
27	61
28	63
29	66
30	68
31	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алекс ОРЛОВ

ТЮТЮНИН ПРОТИВ ИНОПЛАНЕТЯН

1

Серёгу Тютюнина кусали мухи. Они не давали ему спать и разрушали приятные сновидения, в которых Серёга был ни много, ни мало генералом кавалерии.

Под ним гарцевала кобыла в яблоках, на голове красовалась папаха из белоснежного пыжика, а в руках Серёга сжимал блестящую саблю, которой махал налево и направо, крича:

– Прочь! Прочь, гады пернатые!

На самом деле Тютюнин был вооружён лишь сорванной веточкой полыни, которой взмахивал во сне, пытаясь отогнать назойливых мух.

Дёрнувшись в очередной раз, Сергей толкнул воткнутую в землю лопату, и та, свалившись, долбанула его черенком прямо промеж глаз.

Тютюнин взвыл, мигом проснулся и, сев на разворошённой земле, стал тарашиться по сторонам.

Затем почесал ушибленный лоб и поднялся.

Вокруг, как и полчаса назад, царил запустение нового дачного участка, который в разгар тёплого в этом году мая решила разрабатывать его жена Люба, а точнее, её мамаша и по совместительству Серегина тёща – Олимпиада Петровна.

По мнению самого Тютюнина, он и так слишком много натерпелся от своей тёщи, чтобы ещё и дачу окучивать. Тем более что у самой Олимпиады Петровны дача была, однако она нарочно сделал дочке подарок, поменяв до-

Ставшийся от мужа «Москвич-412» на непригодный кусок земли в десять соток.

Земля эта на дарёном участке была твёрдая, как асфальт, и пахла керосином. До того, как стать Серегиной дачей, она тридцать лет служила нефтебазой.

Нефтебазу прогнали экологи, а землю совсем не дорого продали Олимпиаде Петровне.

Вместо дома на участке стоял похожий на четырехдверный сортир передвижной «красный уголок», вывезенный из бывшего колхоза «Заветы Ильича». Серёге «уголок» достался через закадычного друга – Леху Окуркина, которому часто перепадали всякие неожиданности вроде наследства бабушки или обретения неизвестного прежде дяди.

Этот новообретенный дядя Карл всю жизнь работал в колхозе конюхом, а когда хозяйство развалилось окончательно, народ избрал его председателем, поскольку Карл-конюх был трезвенником.

Оказавшись у власти, он, как человек достаточно просвещённый, решил избавить хозяйство от «непрофильных активов» и принялся распродавать «красные уголки», которых в «Заветах Ильича» оказалось больше, чем комбайнов, тракторов, сеялок и веялок вместе взятых.

Окуркин, по жадности, отхватил себе аж три штуки, решив со временем сделать из них один длинный трейлер. Леха был человеком предприимчивым, и ему в голову частенько приходили гениальные мысли. В полученный трейлер он собирался впрячь свой «запорожец» модели «лупатый» и возить из Рязани в Москву мороженных кур.

«Запорожец» на грузки не потянул, и Леха подарил один «уголок» Серёге. Он хотел, подарить все три, но Тютюнин вежливо отказался, опасаясь, что Олимпиада Петровна тут же купит ему ещё два недостающих участка где-нибудь на полигоне войск химзащиты.

– Ну чего, Серёж, червей дождевых много? – спросила появившаяся из-за «уголка» жена Люба.

– Не очень, Люб, – грустно посмотрев на свою благоверную, ответил Сергей. – Ушли они.

– Куда? – почти испуганно спросила Люба.

– За нефтебазой своей уползли. Не могут без керосина.

– Да ты, я вижу, мелко копаешь, Серёжа, – заметила Люба и, поковыряв носком слоистые куски слежавшейся глины, добавила:

– Глубже надо копать, а то здесь ничего не вырастет...

Заслышав голоса, из «красного уголка» вышла Олимпиада Петровна.

– Воркуете, голубки, – многообещающе произнесла она, – а работа стоит. Нам ведь, Сергей Викторович, пора уже и картошечку сажать, а у вас, я вижу, ничего не готово.

– А зачем нам эта картошка? Может, её купить проще? – попробовал защититься Тютюнин.

– Может, и проще... тем, у кого денежки водятся, – с многозначительной улыбочкой процедила Олимпиада Петровна. – А вам с вашей кошкоторговой организацией, Сергей Викторович, лучше иметь хоть какое-то подспорье.

Когда тёща хотела плохо отозваться о Серееиной работе, она всегда называла её «кошкоторговой организацией». Между тем Тютюнин служил старшим приёмщиком в фирме «Втормехпошив». И хотя из года в год тёща твердила, что, дескать, тут нет никакой перспективы, Тютюнин продвигался по карьерной лестнице.

Ещё прошлым летом он трудился за прилавком один, а теперь в его подчинении находился младший приёмщик Кузьмич, пожилой человек неопределённого возраста и национальной принадлежности.

Кузьмич был молчалив и красен глазами, в его обязанности входило наблюдение за полками с принятыми мехами, чтобы там, чего доброго, не завелась моль. На крайний случай Кузьмич имел на поясном ремне два полных баллона с дихлофосом и вполне чёткие инструкции.

Впрочем, даже не находя моли, Кузьмич каким-то образом умудрялся расходовать запас дихлофоса, и Тютюнин подозревал, что это как-то связано с неестественным цветом глаз младшего приёмщика.

– Куда девается дихлофос, Кузьмич? – спрашивал Серёга.

– Это из-за энтропии, – отвечал тот диковинными словами.

– Какой энтропии?

– Которая все растёт...

Впав от жары и керосиновой вони в недолгое беспамятство, Сергей какое-то время молча смотрел на ухмылявшуюся тёщу, а затем сказал:

– Если моих денег будет на все хватать, то ваша помощь, Олимпиада Петровна, нам уже не понадобится. И тогда вам придётся бросить воровство. А не воровать вы не можете...

Это было чистой правдой. Всю свою жизнь Олимпиада Петровна таскала продукты из столовых, в которых работала, и очень этим гордилась. Она отказывалась от хороших предложений и продолжала трудиться в заводских забегаловках, маниакально вынося жареных кур, говяжий фарш, яйца всмятку и плавленые сырки.

– Ты что, Серёжа! – вмешалась жена. – Мама не ворует. Она просто... выносит...

– Да! Я просто выношу! – тут же ухватила за это объяснение Олимпиада Петровна. – Воруют ночью! Ломают двери, замки и сторожей душат! А я днём выношу – в обеих руках!

И она потрясла перед Тютюниным двумя красными ладонями, натруженными многолетней переноской авосек с продуктами.

Одно время, ещё в молодости, Олимпиада Петровна пыталась поработать на домостроительном комбинате, но, затарив всю квартиру гвоздями, обойным клеем и свежеструганной доской, поняла, что продукты питания – более перспективное направление. И вернулась к своей прежней, любимой и понятной работе.

– Ладно, – вздохнул Сергей, решив прекратить этот спор. Жара лишила его последних сил, а чтобы сопротивляться теще, их требовалось немало. Ох, немало.

Схватив лопату, Окуркин с размаху ударил ею о землю, однако она сразу отскочила, оставив на спрессованной глине едва заметный рубчик.

– Уходите, – серьёзно сказал Тютюнин. – Видите, какая земля тяжёлая. Мешаете только...

– Хорошо, Серёж, работай пока, – произнесла Люба. – А мы через час уже обед приготовим. Правда, мам?

– Правда, – буркнула Олимпиада Петровна и, развернувшись, двинулась к «красному уголку».

Люба ушла следом за ней, и Сергей остался в одиночестве, уныло долбя будущую грядку.

Неожиданно послышалось жизнерадостное завывание окуркинского «запорожца». «Лупатый» канареечного цвета выскочил из-за чахлого лесочка и лихо затормозил перед верёвкой, которая в отсутствие забора обозначала границы дачи.

2

Бодрый и предприимчивый, Окуркин хлопнул дверцей и попытался с разбегу перемахнуть через верёвку. Зацепившись, упал сам и повалил два кое-как установленных столбика.

Впрочем, такой пустяк не смог испортить Лехе настроение. Он отряхнул с себя рыжую глину и крепко пожал Тютюнину руку, сказав:

– Тебе идёт лопата, Серёг! Ты с ней прям женщина с веслом.

– Скажу лучше – с кайлом, – невесело усмехнулся Тютюнин.

– Почему с кайлом? – Окуркин нагнулся и, подобрав кусочек сухой глины, с видом знака растёр его на ладони. Затем плюнул на растёртую глину и шевельнул бровями. –

Понятно, – сказал он, однако в свои выводы друга не посвятил. – И давно ты тут ковыряешься?

– С утра.

– Не густо, – покачал головой Окуркин. – Земля как гранит. Ты так будешь до первого снега её окучивать.

– Я тоже так думаю... – согласился Тютюнин. – Была бы у меня фреза...

– Какая фреза?

– Которой старый асфальт срезают... Два прохода, и дело сделано.

– Фреза – это да. Без фрезы здесь делать нечего... – повторил за Серёгой Окуркин и почесал нос, что было первым признаком очередной окуркинской идеи.

– Я вот чего подумал, коллега... – Окуркин ещё раз почесал нос, и идея в его голове сформировалась полностью. – У меня знакомый метростроевец есть, думаю, он поможет нам с оборудованием.

– А я потяну по деньгам? – осторожно осведомился Тютюнин.

– Никаких денег и не нужно. Услуга за услугу. Он нам оборудование, а мы ему поможем из шахты мотор поднять с медной оплёткой. Он себе его давно отложил, только поднять не было возможности.

– А теперь что же?

– А теперь возможность будет.

Из «красного уголка» вышла Люба.

– Здорово, принцесса! – поздоровался Окуркин.

– Здравствуй, Лёш, – осторожно ответила Люба, подходя ближе и внимательно глядя на карманы гостя – не оттопыриваются ли они не ко времени привезённой пол-литрой.

Поняв, о чем думает тютюнинская супруга, Леха широко улыбнулся и развёл руками.

– Да ты что, Любаша! Ты же знаешь, с моей Ленкой в такие шутки играть нельзя. Расправа будет короткой.

Тютюнина кивнула. Её приятельница, Окуркина Лена, была на полторы головы выше Лехи и имела в своих руках достаточно силы, чтобы свернуть в колечко лом. Не большой конечно, а так – средних размеров.

Окуркина стеснялась своей силы и не раз признавалась, что сильно пугается, отвесив своему благоверному очередного леща.

– Представляешь, Любаш, пулюню его несильно, а он отлетит, болезный, к стенке, ударится в неё и сползёт на пол да ещё глазки закатит. Я тут же в слезы – все, думаю, овдовела... Потом гляжу нет, живой...

Несмотря на такую тяжёлую артиллерию, Окуркин время от времени уходил в загул, как правило, в компании с Серёгой, которому тоже в таких случаях доставалось дубовой скалкой.

– Почему, Лён, они у нас такие непонятливые? – бывало, спрашивала Люба Тютюнина у подруги. – Вот ведь и достаётся им, а они опять напиваются. Завтра пятница – опять наклюкаются.

– Наклюкаются, подруга, наклюкаются, – обречённо вздыхала Лена, поводя богатырскими плечами. – Это потому, что они у нас шепутные и отчаянные.

– Отчаянные, – соглашалась Люба, и они с Леной молча смотрели телик, осознавая, как какие-нибудь декабристки, свою нелёгкую женскую долю.

– Я просто приехал дачу вашу посмотреть, – сказал Леха.

– Ну и как, нравится? – сразу загорелась Люба.

– Да, красиво. Такой красной глины я нигде ещё не видел. Из неё охру можно делать.

– Правда? – поразилась Люба. – А зачем?

Из «красного уголка» выглянула Олимпиада Петровна. Заметив Окуркина, она тотчас выбежала наружу, забыв снять кухонный фартук с надписью «Аи лав Ю-Эс-Эй».

– Что, доча, перехватила наркокурьера?! Подскочив к Лехе, Олимпиада с криком замахнулась на него дубовой скалкой.

– А ну скидывай дозу, дохлик!

– У него ничего нет, мама, – доложила Люба.

– А чего тогда приехал? – удивилась тютюнинская тёща, нехотя опуская скалку.

– Я Сергея хотел на речку пригласить, на Каменку, – скромно улыбувшись, сообщил

Окуркин.

– Да? Купаться захотелось? А кто целину будет возделывать – две слабые женщины?

– Нет, об этом не беспокойтесь. Мы с Сергеем завтра приспособление привезём и буквально весь ваш участок перекопаем.

– Весь? – с сомнением уточнила Олимпиада Петровна.

– Буквально, – уверенно кивнул Окуркин.

– Ну-ну, маркшейдер.

– Моя фамилия Окуркин, – обиделся Леха.

– Ну ладно, раз так, езжайте мыться, – согласилась Люба. – Только никаких выпивок.

Ты понял, Сергей?

– Конечно, – обрадовано закивал Тютюнин. – Поплавать очень хочется. Давно я не плавал.

3

Неглубокая Каменка подпрыгивала на глинистых порогах и вилась меж песчаных, поросших соснами холмов. Тютюнин и Окуркин высадились из «запорожца» в том месте, где она омывала берег детского лагеря отдыха «Синий ручеёк».

– Хорошо здесь, тихо, – заметил Тютюнин.

– Это пока у детишек тихий час. В нашем распоряжении... – тут он посмотрел на часы, – сорок пять минут... Уложимся?

– Уложимся, – ответил Сергей и, забросив брюки в «запорожец», стал спускаться к воде.

Усевшись на неглубокое дно, друзья, блаженно щурясь на солнце, на мгновение забыли о своих проблемах. А проблемы у них были.

Во-первых, у них сломался множительный аппарат. Сделанный из старой хлебницы, он запросто копировал алюминиевые банки, которые затем можно было сдавать как лом цветных металлов. Маленькие человечки – тыклики, изготовившие этот чудо-аппарат, давно уже не выходили на связь с Тютюниным, и неизвестно было, собирались ли выйти вообще когда-нибудь.

Второй проблемой был старый стадион «Локомотив», где прежде у Серёги и Лехи был собственный участок под трибуной, с которого они добывали во время матчей пустые банки из-под пива.

Пока работала хлебница-множитель, друзья имели стабильный приработок. Они даже продали участок, поскольку были уверены, что хлебница будет работать вечно.

Однако они ошиблись. Агрегат сломался, стадион же «Локомотив» закрыли на якобы реконструкцию, а потом, неожиданно-негаданно, над трибунами начали быстро расти стены сорокэтажного жилого комплекса «Ассоль».

Леха и Сергей вместе с жителями района ходили митинговать и ложиться под бульдозеры, однако нарвались на контратаку милиции, которой руководил чиновник из городской мэрии.

– Ты знаешь, меня сегодня на участке мухи кусали, – задумчиво произнёс Тютюнин.

– И чего?

– А то, что кусачие мухи прилетают только осенью.

– Наплюй. Меня сейчас другие вещи интересуют. Более важные.

– Это какие же ?

– Думаю, мне известен настоящий способ очистки. Последний и окончательный.

Тютюнин, полоскавший руки в тёплых струях Каменки, на мгновение замер, потом медленно повернулся к Окуркину:

– Ты чего это? Опять?

Окуркин ничего не ответил. Вот уже несколько месяцев в разговорах приятелей это была запретная тема, потому как у обоих ещё не изгладились из памяти приключения прошлого лета.

А началось все с наследства, которое оставила Лехе его бабушка.

Наследство как наследство – деревенский домик с трубой. Ничего примечательного, если не считать того, что бабушка при жизни очень расхотелась в убеждениях с материализмом.

В погребе под домом независимой старушки внук Леха обнаружил целый склад спиртовых настоек неизвестного назначения. Однако воспитанный на российских традициях Окуркин назначение всякого спиртосодержащего продукта понимал вполне определённо. Пить – и все тут. Но поскольку в силу все тех же традиций пить один Окуркин не любил, он призвал на помощь друга Серёгу.

Первая же проба едва не закончилась для приятелей трагически – их чуть не съели странные существа, к которым Сергей и Леха попали после принятия одной из настоек.

По возвращении в родную реальность друзья с перепугу решили напрочь забыть о складе спиртовых настоек, однако держались этого решения недолго.

Они предпринимали попытки произвести очистку драгоценного продукта, однако снова и снова попадали в неприветливые миры, претерпевая в них лишения и откровенный мордобой.

– Ты чего, опять за старое? – строго повторил свой вопрос Тютюнин, поскольку Леха сделал вид, что не расслышал.

– Я не за старое. Я просто хотел с тобой поделиться. Мне же не с кем поговорить. Заведи я эту байдю при Ленке, она с меня иероглиф сделает...

– Ты из-за этого и примчался ко мне на дачу?

– Почему? Не-э-эт...

Леха вздохнул. По его лицу было видно, что его просто распирает от нетерпения.

– Ну ладно, рассказывай, – согласился Тютюнин. – Только сразу говорю – я против.

Ага, – оживился Леха и плеснул водой на пролетавшую стрекозу. – Я вот подумал, а чего это мы все время настойки фильтровать пытались? Это же не правильно.

– Почему?

– Да потому. Надо клин клином, понимаешь? – Нет.

– Нужно взять специальной травы и настаивать эти настойки по второму разу. Тогда получится – просто настойка от кашля.

– А какие такие специальные? – Тютюнин поднял над водой ногу и внимательно её осмотрел.

– Это мы выясним.

– Как ты выяснишь?

– Спрошу у бабушек-знахарок.

– Где же в городе взять знахарок?

– Э, да ты чего, газет не читаешь? Они же, эти бабушки, объявления дают.

– Все равно я опасюсь, – покачал головой Тютюнин. – А вдруг эти настойки ещё злее станут, и не вернёмся мы тогда домой никогда...

– Мы на собаках проверять будем.

– На собаках? Мы уже проверяли на собаках, и что получилось?

Окуркин виновато пожал плечами, вспомнив, как они потчевали фильтрованным спиртом бультерьера Дросселя.

Дроссель отлично себя чувствовал, а потом убежал. Окуркин думал, что все в порядке, и они с Серёгой выпили, а потом началось такое, что просто ужас.

– Фигня все это. Ты лучше мне вот что скажи, Леха... – задумчиво произнёс Тютюнин.

– Ну?

– Что такое энтропия?

– Это когда понос.

– Нет, понос – это диарея.

– Из какой хоть оперы, намекни.

– Да я тоже не знаю, – признался Тютюнин. – Знаю только, что она все время растёт и от этого дихлофос испаряется.

Они посидели в воде ещё немного, потом откуда-то издалека, будто волнами, стал накапывать странный шум, словно к речке приближалась степная конница.

– Уходить пора, – сказал Леха и поднялся со дна.

– А чего это? спросил Сергей, тоже становясь на ноги.

– Дети. В лагере тихий час закончился. Сейчас прибегут и будут динамитом рыбу глушить...

– Да ладно тебе, – не поверил Тютюнин, однако вслед за Окуркиным пошёл вверх по обрывистому берегу.

Когда Окуркин и Тютюнин, наскоро одевшись, отъезжали от Каменки, на реке прогремел взрыв и столб грязной воды поднялся до макушек деревьев.

– Вот это да! – воскликнул Сергей.

– А ты думал, – усмехнулся Леха. – Я же говорил – лагерь, дети. А ты не верил.

4

В новый городской микрорайон Восточное Наглово Сергей и Леха добрались на «запорожце» уже к вечеру.

С трудом пробившись через запруженные автомобилями улицы и чудом избежав внимания сотрудников ГИБДД, Окуркин остановил «лупатого» возле большой, огороженной забором ямы. На плакате, который венчал въезд на территорию строительства, сообщалось, что пуск новой станции метро «Наглово» намечен на Праздник Долгожданной Независимости, где-то во второй половине дня.

Рядом на заборе какой-то хулиган написал мелом «После дождичка в четверг». И нарисовал неприличную картинку.

Все это Тютюнин окинул одним взглядом, а потом засмотрелся на бетонный узел, который серым памятником нависал над огороженной территорией.

– Это здесь работает твой знакомый? – спросил Сергей.

– А то, – неопределённо ответил Окуркин и, выйдя из машины, включил в «запорожце» противоугонку.

– Боишься, украдут? – поинтересовался Тютюнин.

– Конечно. Это ж теперь... забыл, как называется. Во – раритет!

Обойдя машину несколько раз, Леха многократно подёргал дверцы и только после этого направился к воротам.

Они оказались закрыты и охранялись огромным лохматым псом, который крепко спал возле голубого вагончика.

– Мех четвёртой категории, – привычно определил Тютюнин спящего пса.

– И много у вас за такой дают ?

– Ну, шкура с такой большой собаки потянет на пятьсот рублей.

– Да ты что? – поразился Окуркин и, схватившись за прутья решётки, уже другими глазами посмотрел на сторожевого пса. – Только ведь просто так он не дастся... На лекарства потом больше истратишь...

– Так что, здесь уже никого нет? – напомнил Тютюнин о деле.

– Сейчас узнаем.

Леха несильно потряс решётку, и ворота заколыхались, издавая слабое брнчание.

– Алмаз, стеречь! – донеслось из открытой двери вагончика, а затем на крыльцо вышел сторож с бутербродом в руке.

– Алмаз, место!

Видимо, эти команды были обращены к спящей собаке, которая даже не повела ухом.

– Эй, товарищ! А что, все уже ушли? – спросил Окуркин.

Сторож строительного участка укусил свой бутерброд и невнятно произнёс:

– А кто тебе нужен?

– Прораб...

– Он у себя на среднем уровне.

Окуркин не понял, что значит «на среднем уровне», однако поинтересовался:

– А нам можно к нему попасть?

– Можно. Только тишину соблюдайте. Если Алмаз проснётся, пощады не будет никому.

– А он вас не слушается? – спросил Леха, не торопясь заходить на территорию стройки.

– Дык когда слушается, а когда нет. Это ж собака – поди разбери, чего у него на уме. Вон там, возле шахты – клеть, это и есть «средний уровень». Вы же к прорабу?

– К нему самому.

– Ну заходите.

5

В воротах щёлкнул электрический замок, но едва только Окуркин с Тютюниным прошли на территорию участка, как закрывавшиеся створки перехватила чья-то рука и строгий голос отчётливо произнёс:

– Внимание, контрольная закупка! Всем оставаться на своих местах!

Голос показался Тютюнину знакомым, и он, чуть скосив глаза, опознал мужественный профиль майора милиции Шароемова.

Шароемов был весел и крепко сжимал в руках большой чёрный пистолет.

– Опа-на! Что я вижу? Васька Хвоц и Густав Шкафт! Как говорится в народной мудрости • – гоп-стоп! Руки вверх, иначе – что? – категорически открываю огонь.

Леха и Сергей послушно подняли руки.

– Так, а ты кто? Скупщик краденого? – спросил Шароемов у сторожа и навёл на него свою артиллерию.

– Никак нет, товарищ майор! Я здешний сторож! Замков моя фамилия.

– Откуда знаешь Хвоца и Шкафта, Замков?

– Первый раз вижу, товарищ майор!

– А почему пропустил их на охраняемую территорию?

– Я думал, это наши метростроевцы! И вообще я бутерброд ел – с килькой и луком... От такого бутерброда глаза щиплет, оттого и обознался.

– С килькой и луком? – переспросил Шароемов.

– Так точно, товарищ майор! – проорал с крыльца сторож Замков, прижимая к бедру недоеденный бутерброд.

– Если с килькой и луком, то надо – что? – сделать мне контрольный выстрел... Контрольный экземпляр. А то я с самого утра в засаде.

– Понял, товарищ майор! Сделаю сию же минуту!

– Давай чтобы одна нога здесь, в другая в зоне прямой-что? – видимости.

Сторож убежал в вагончик, чтобы приготовить майору бутерброд, а Шароемов все своё внимание перенёс на Тютюнина и Окуркина.

– Итак, Хвоц, где шкатулка старухи-процентщицы? – строго спросил майор, обращаясь к Лехе.

– Какая шкатулка? Нет у меня никакой шкатулки и старухи-процентщицы я не знаю. Чужое дело шьёшь, начальник!

– В несознанку пошёл, Хвоц? – Шароемов недобро усмехнулся.

– И не Хвоц я никакой, – опомнился Окуркин. – Я Алексей Окуркин, простой рабочий человек.

– Простой рабочий человек?! – радостно повторил Шароемов. – А откуда у тебя жёлтый «ломбарджини», рабочий человек? Никак в профкоме выдали за хорошую работу?

– Это не «ломбарджини», это «запорожец»...

– «Запорожец»? – недоверчиво переспросил Шароемов и, ткнув пистолетом в козырёк форменной фуражки, сдвинул её на затылок.

– «Запорожец» это, товарищ майор. Он у него уже лет пятнадцать, – подтвердил Серёга.

– А ты, Шкафт, не встречай, а то – что? – мало не покажется.

– Да и я не Шкаф никакой, я Сергей Тютюнин.

– А откуда я тебя знаю?

– Вы ко мне на квартиру заходили прошлым летом. Помните?

– Нет, – покачал головой Шароемов. – Если бы я к тебе заходил, ты бы уже на нарах – что? – парился.

Из вагончика выбежал сторож Замков с огромным бутербродом, с которого во все стороны свисали килечные хвосты.

– Извольте откусать, ваше высокоблагородие... произнёс сторож и с поклоном протянул бутерброд Шароемову.

– Ага, – сказал майор и впился в угощение, однако пистолет не опустил.

Сергей и Леха тревожно переглядывались и ждали, чем все это закончится.

– Что же мне с вами делать? – вслух размышлял Шароемов, поедая кильку. – Может, при попытке бегства, а? Местность здесь пересечённая, так что шанс у вас будет...

Не веря в то, что слышит собственными ушами, Сергей Тютюнин ощутил где-то в пятках холодный страх.

Наконец майор справился с бутербродом и неожиданно сказал:

– А ведь я тебя вспомнил, Тютюнин. Ты любовницу свою семнадцатилетнюю угробил и в роще закопал. Так это было?

– Не совсем так, товарищ майор. Это вы так думали, а оказалось...

– А оказалось, что у тебя рука в прокуратуре и ты легко отмазался.

– Я не...

– Да ладно! – Шароемов махнул рукой и убрал пистолет. – Раз в прокуратуре свои люди, тут уж ничего не поделаешь. – Вольно. Можно оправиться. Отставить «оправиться». Заправиться.

Леха и Сергей с облегчением опустили руки.

– Только зачем вы сюда-то проникли, на охраняемый объект?

– А мы мотор достать собирались! – на радостях выпалил Окуркин.

– Мотор? Какой мотор? – переспросил Шароемов и с интересом посмотрел на Леху, у которого в прокуратуре никого не было.

– А... ненужный мотор. Мы его здесь ещё весной утопили.

– Как утопили? Имел место сговор?

– Не было сговора. Просто в яме утопили. Воды полно было, мы его и утопили случайно.

– В какой яме? – уточнил Шароемов. – И была ли уже открыта навигация?

– А вот в этой. – Леха махнул рукой на огороженную шахту. – Теперь вода ушла, и мы решили достать.

Майор подошёл к шахте и, заглянув в неё, обнаружил лишь теряющуюся в темноте цепочку красных фонарей.

Яма была глубокая, и воды в ней действительно не оказалось.

– Одного я не могу понять, – задумчиво произнёс Шароемов, возвращаясь от ямы. – Куда Хвоц подевался на своём «ломбарджини»...

6

Майор Шароемов все же убрался, едва не наступив напоследок на спящего Алмаза.

После ухода милиции сторож Замокв сделал страшные глаза и, покачав головой, скрылся в вагончике, видимо, для приготовления очередного бутерброда с килькой.

– Вот оказия-то, – вздохнул Окуркин. – Я думал, он в нас стрельнет.

– Ну вот ещё, – с деланной смелостью возразил Сергей. – Ты же видел, он меня опознал.

– Ага, как убийцу какой-то любовницы.

– Ну, это когда Палыч превращался то в одно, то в другое. Помнишь?

Окуркин кивнул. Как же было такое не помнить! Палычем они называли неизвестное существо, которое едва не скушало их в параллельном мире, и откупиться от него удалось, лишь пообещав ему вареной колбасы.

Сергей и Леха про эту встречу уже и думать позабыли, когда однажды Палыч появился возле их дома.

Не имея представления, как нужно выглядеть, он копировал всех, кто попадался ему на глаза, – от малолетней проститутки до беглого уголовника Сивухина, внешность которого он «рисовал» со стенда «Их разыскивает милиция».

Получив ящик тухлой колбасы, Палыч оставил своих знакомых и стал зарабатывать на жизнь уличными шоу, в программу которых входило превращение в верблюжий хрен.

Простым людям такой незатейливый номер очень нравился, и слава о талантливом самородке быстро разлетелась по всей столице.

Тогда же, ближе к осени, Палыч уехал на гастроли в Европу, и больше приятели о нем ничего не знали.

– Ну что, пойдём к прорабу? – оставив воспоминая, предложил Леха.

– Конечно. А то ведь нам ещё на дачу возвращаться.

И они отправились на «средний уровень», для чего пришлось войти в клеть и спуститься на два пролёта по железной лестнице.

Прораб сидел в крохотной операторской комнатке и смотрел в тёмный экран выключенного телевизора.

– Здравствуйте, – первым поздоровался Тютюнин.

– Подожди-подожди! – не очень внятно проговорил прораб, вскидывая руку. – Наши выигрывают!

– Они всегда выигрывают, Аркадий, особенно если телевизор не включён, – заметил Леха.

– Кто здесь? – встрепенулся Аркадий и, поднявшись с продавленного дивана, обратил невидящий взгляд на вошедших.

Сделав несколько неуверенных шагов, он приблизился к Сергею и протянул руку.

– Бухалов, прораб, холост, не состоял...

Тютюнин с опаской пожал Бухалову руку, а Леха бесцеремонно тряхнул прораба за плечо и напомнил:

– Аркадий, это я – Леха. Мы мотор поднимать приехали.

– Какой мотор? – На лице прораба отразилось недоумение.

– Делаю намёк, Аркадий. Мотор-обмотка-медь-деньги-выпивка...

Эта логическая цепь произвела на прораба живительное действие. Его глаза ожили, щеки порозовели, с выражением крайнего блаженства на лице он сделал глубокий вдох, как будто ловил солоноватый морской бриз.

– Что ж, идёте, – решительно кивнул Аркадий. – Все концы зацеплены, осталось только потянуть.

И, резко сорвавшись с места, он стал стремительно подниматься по лестнице, перепрыгивая через две, а то и три ступени.

Запыхавшиеся Леха и Сергей догнали его только возле ямы, у края которой, совершенно не боясь, стоял Бухалов.

– Вон он, наш главный приз, – произнёс прораб, глядя в темноту шахты, разгоняемую лишь слабыми фонариками аварийного освещения.

– А я ничего не вижу, – признался Тютюнин.

– Это потому, что ты не обладаешь внутренним видением. Ты ведь не метростроевец... Ну что, потянем за концы,

Друзья. Вес объекта пятьсот тридцать килограмм, так что придётся попотеть.

– Может, у вас какое приспособление есть вроде лебёдки? – осторожно спросил Сергей.

Ни он, ни Леха Окуркин не были такими уж атлетами, а Бухалов, хотя и вышел ростом, давно растратил свой вес в борьбе с водкой.

– Какой смысл в отказе от борьбы, товарищ? Сейчас мы схватимся с этой стихией и от одержанной победы испытаем настоящее наслаждение. Он нас вниз, а мы его вверх, понимаешь?

– Понимаю, – ответил Сергей, уже подумывая о возвращении на дачу. Чем подвергать себя такой опасности, лучше уж проколупаться три дня с кувалдой и зубилом и таки вскопать наконец участок.

– Слушай, может, ну его? – тихонько толкнув Окуркин под локоть, сказал Сергей. – Обойдусь я как-нибудь без оборудования...

– Отступать поздно, – отрезал Леха и указал на стоявшего позади них Алмаза. После долгого сна пёс зевал, демонстрируя пасть с весьма внушительными клыками.

7

Подъем электродвигателя проходил весьма драматично. Пару раз Тютюнину показалось, что силы его покинули, однако он остерегался бросать трос, поскольку тот запросто мог захлестнуть и его, и Леху, если бы мотор полетел обратно.

И снова хриплое дыхание, приглушённый мат и монотонные рывки на счёт «двадцать восемь».

Чтобы не скользить, Тютюнин упирался ногами во всевозможные железяки и старался не думать, как долго ещё им предстоит бороться с «главным призом».

В какой-то момент прораб Бухалов, стоявший к шахте ближе всех, вдруг сорвался вниз, и Сергей уже подумал было, что можно идти домой, однако Бухалов сумел зацепиться за трос, который тянули Леха с Сергеем, и вскоре самостоятельно выбрался на край ямы. – Навалились, землячки! – воскликнул он, снова впрягаясь в работу. – Раз, два, три, четыре, пять...

– Бухалов... – прохрипел Тютюнин.

– Не сбивай меня.

– Бухалов, давай на счёт «и-раз», тянуть, а то мочи нет ждать, пока ты до двадцати восьми досчитаешь...

– Ну ладно... И-р-раз...

С новым счётом работа действительно пошла быстрее, и вскоре ребристый корпус электродвигателя показался над краем ямы.

– Какое счастье! – произнёс прораб, когда его главный приз, наконец оказался на дощатом помосте. – Какое счастье, что нам это удалось...

– Нам... Нам оборудование нужно, Аркадий... – тяжело отдуваясь, напомнил Леха.

– Какое оборудование?

– Чтобы землю твёрдую вспахать. Но по-быстрому...

– Будет вам оборудование. У меня как раз на примете один чемоданчик имеется. Пойдёмте я вам его дам.

Бухалов направился к входу в клеть, однако дорогу ему преградил Алмаз.

– Алмаз? Что ты здесь делаешь? – спросил прораб. Пёс ничего не ответил, только зевнул.

– У меня ничего нет!

Алмаз потряс кудлатой головой.

– Да правду я тебе говорю. Нет у меня ничего – я сам хотел догнаться, но нету.

Пёс тяжело вздохнул и посмотрел куда-то в сторону. Бухалов покачнулся и произнёс:

– Ты шантажист, Алмаз. Самый настоящий шантажист... Стой здесь, сейчас я принесу.

Лишь после этого пёс посторонился и пропустил Бухалова в клеть.

Тютюнин и Окуркин переглянулись, однако не обменялись ни единым словом, опасаясь привлечь внимание собаки.

Вскоре появился Бухалов с небольшим серым чемоданчиком в одной руке и полубутылкой водки в другой.

Водку с тяжким вздохом он отдал Алмазу, а чемоданчик – Лехе.

– Инструкция внутри. Через неделю вернёшь.

– Ага, – кивнул Окуркин, глядя вслед удалявшемуся с бутылкой в зубах Алмазу. – Он у тебя что, Аркадий, выпивку выпрашивает?

– Какой там выпрашивает! Выбивает буквально. Если не дать, он все начальству доложит – и про мотор, и про чемодан с оборудованием.

– Чего же ты от собаки такое терпишь? Давно бы шуганул его со стройки.

– Как же, шуганёшь такого. Он сам кого хочешь шуганёт. Его, между прочим, сюда по разнарядке министерства обороны направили. У него орденов – как у меня пивных пробок.

- Да ты что?
- Точно тебе говорю. У него восемь задержаний и три прыжка с парашютом.

8

Войдя в Солнечную систему, имперский крейсер «Квантугама Красивый» включил торможение, а сопровождавшие его более мелкие суда разделились на группы и помчались к разным планетам системы.

– Ну и которая тут планета Земля? – спросил адмирал Пинкван, расслабленно вытянув когтистые ноги.

Он сидел в удобном кресле прямо перед прозрачной панелью, за которой начинался космос с чужими звёздами и малоизученными планетами.

– Вон та, голубенькая, мой адмирал.

– А чего у неё такой странный цвет? Мне больше нравится окраска Марса или Венеры – а тут глупость какая-то... -Адмирал скривил синие губы и, щёлкнув когтями, подозвал адъютанта.

Молодой лейтенант склонился в полупоклоне, держа в руках небольшую коробку-холодильник.

– Номер восемь, – сказал адмирал.

Лейтенант распахнул коробочку и достал из её дымящегося холодом чрева охлаждённую лягушку.

Адмирал распахнул рот, лейтенант ловко забросил туда «номер восемь».

Пинкван клацнул зубами и с икающим звуком проглотил добычу.

– Все же лягушки из Моромонских болот значительно вкуснее тех, что выращивают в этих дурацких лабораториях.

– Это естественно, мой адмирал, на Моромонских болотах отменный климат, – с новым поклоном произнёс лейтенант. – Осмелюсь добавить, что на планете Земля тоже очень много болот и тёплых морских побережий... Оттого эта планета такая голубовато-зелёная.

– Да? – удивился адмирал и уже более внимательно стал присматриваться к голубой планете.

– Наши челноки достигли Юпитера, мой адмирал, – сообщил офицер космической разведки.

– И что? – Адмирал капризно оттопырил нижнюю губу.

– Все как и в прошлый раз. Никаких поселений, тучных стад и дорог.

– Ну, это неудивительно. Если у них на планете много тёплых болот, значит, там лучшие лягушки и переселяться на Юпитер нет никакого смысла.

– Генерал Крускван, какие у нас планы относительно этой Земли? – спросил адмирал у представителя Имперского отдела стратегического планирования.

Звякнув орденами, Крускван шагнул к адмиралу и, пошевелив гребнем, сказал:

– Фактически люди являются нашими конкурентами – ведь лучшие лягушки в их распоряжении.

– И...

– И нам нужно их извести.

– Каким же образом, генерал?

– Нужно научить их пить спирт, курить табак и кушать генноизмененную пищу.

– Полковник Глюкван, что вы на это скажете? – обратился адмирал к офицеру Имперской разведки.

Глюкван, бросив снисходительный взгляд на генерала Крусквана, ответил:

– Люди уже давно пьют спиртосодержащие жидкости, курят никотинсодержащие листья и травы, а также нюхают клей...

– Клей? – поразился Пинкван.

- Клей, мой адмирал.
 - Это что же, какой-то особенный клей, полковник?
 - Да нет. Обычный резиновый клей. «Момент» называется.
 - Удивительно. И после всего этого они ещё живы?
 - Поглупели, конечно. Значительно поглупели, мой адмирал, однако ещё живы.
 - Подумать только – резиновый клей... Где они берут столько клея?
 - Обычай нюхать клей существует только в России, Ваша Значительность.
 - Россия?
 - Это государственное объединение такое. Страна.
 - Откуда у вас столько информации о России?
 - Там много наших агентов. Согни. Целые сотни.
- Полковника Глюквана перебил офицер космической разведки:
- Прошу прощения, адмирал. Челнок достиг Плутона...
 - Ну и что там?
 - Тоже без изменений. Похоже, земляне до сих пор не удосужились заглянуть туда.
 - Вот лентяи... – Адмирал покачал головой, его кожистый гребень заколыхался. – Они не заслуживают тёплых болот и вкусных лягушек.
 - Мы получаем информацию с Марса и Венеры, мой адмирал...
 - Да-да, я слушаю.
 - На Венере бури и кислотные дожди... Поселений не видно. На Марсе также без перемен. Вырытые нами каналы не претерпели изменений.
 - Я не представляю, чем они там на этой Земле занимаются, кроме того что нюхают клей?
- Полковник Глюкван!
- Люди весьма подвижные существа. Они строят жилища, создают примитивные механизмы, много едят, беспорядочно плодятся и занимаются политикой. Ещё у них развивается нечто вроде познавательной дисциплины – они называют её наукой.
 - Да вы описали мне точь-в-точь поселение ибабутских тушканчиков.
 - Да, мой адмирал, очень похоже, – согласился полковник.
 - Уф, даже жарко стало...
- Адмирал поднялся с кресла и прошёлся вдоль прозрачной панели, изредка посматривая на звезды и планеты.
- Напомните мне, как они выглядят, Глюкван.
 - Сию минуту.
- Полковник достал из кармана небольшой дистанционный пульт и включил изображение пары человеческих особей – мужчины и женщины.
- До чего же они похожи на лягушек, Глюкван! Если бы их шкурка имела соответствующий окрас, я бы подумал, что это лягагопентус.
 - Они убеждены, что произошли от животных – обезьян, мой адмирал.
 - Ах вот как! – На лице адмирала появилась ухмылка. – Ну, тогда это многое объясняет в их поведении. Чем они ещё гордятся?
 - Размерами своего мозга. Однако меряться предпочитают длиной кердыка.
 - Длиной кердыка? Это для них так важно?
 - Длина кердыка для землянина – все.
- Адмирал вернулся в кресло и подал знак адъютанту, чтобы тот достал ещё одну лягушку. На этот раз он выбрал «второй номер».
- Генерал Крускван, – обратился он затем к представителю отдела стратегического планирования, – как вы себе представляете колонизацию Земли? О применении квази-штымпбомбы, насколько я понимаю, не может быть и речи?
 - Не может, – кивнул генерал. – Вместе с людьми мы уничтожим драгоценных лягушек.

– Значит, постепенное проникновение, как на Ибабуту ?

– Так точно, постепенное заболачивание озёр и рек, загрязнение морей сточными водами, затопление низин. Ну и все те же – алкоголь, табак и генная инженерия. Люди должны растаять, рассосаться без следа.

– Тонкая политика. Тонкая, – вынужден был согласиться адмирал. – Какие-нибудь особые ходы вроде «пятой колонны» имеются?

– Конечно. Но об этом, я уверен, вам лучше расскажет полковник Глюкван.

– Новые сообщения с наших зондов! – подал голос офицер космической разведки.

– Если ничего нового, Бамкван, лучше меня не беспокойте.

– Слушаюсь, мой адмирал.

– Итак, «пятая колонна», полковник. Кстати, хотите шечку? У меня остались номера, которые я все равно не ем.

– Спасибо, сэр, у меня свои.

С этими словами полковник достал из нагрудного кармана маленький, не больше портсигара, холодильничек и забросил в пасть пару золотистых головастиков.

«Да он гурман», – подумал адмирал, проследив за тем, как Глюкван коротко облизнулся раздвоенным языком.

– Итак, господа, роль «пятой колонны» на Земле, по нашему разумению, могут сыграть государство Америка и все её штаты. Президент этой страны фактически является нашим агентом. Пока мы используем его втёмную, однако скоро, я думаю, ему можно будет сделать открытое предложение.

– Думаете, согласится?

– Думаю, да. Он не слишком умен и до этого момента с радостью выполнял все наши указания.

– Например?

– Ну, мы подбрасывали ему разную информацию, и он сразу же отправлял свою армию то в одно место, то в другое. Ничего хорошего у него не вышло, однако жертвы были большие. Одним словом, парень проверенный.

– Чем вы озадачили его сейчас?

– Он занимается пропагандой сельхозпродуктов с генными мутациями.

– Да что вы все время про эти генные мутации?

– Дело в том, мой адмирал, что данное направление кажется нам самым перспективным. Думаю, и генерал Крускван со мной согласится.

Генерал кивнул, а адмирал Пинкван задумался. Ему предстояло принять решение – задерживаться ли ещё в Солнечной системе, или сразу возвращаться домой, чтобы сделать Доклад Государственному Собранию.

Адмирал вздохнул и, махнув когтистой лапой, произнёс:

– Ну хорошо, идём на Квак. Мы узнали достаточно...

9

На дачу Сергей и Леха вернулись поздно, часам к двенадцати. По дороге они заскочили к Окуркину, и Серёга поклялся Лехиной жене Лене страшной клятвой, что её муж нужен ему для дела и завтра к обеду уже вернётся домой, трезвым.

Лена на удивление легко отпустила мужа, и Окуркин объяснил это тем, что его супруга наконец прекратила перечитывать книгу «Тимур и его команда».

– На Факунина теперь перешла.

– А это кто? – не понял Тютюнин.

– Ну как же... «Бесстыжая Марфа», «Браззавиль в огне»... Неужели не слышал? У Ленки на фабрике все читают.

На даче путешественников поджидали любимая Серегина жена и бесменная тёща. Первым делом они тщательно обнюхали приятелей и лишь после этого накормили их ужином.

– Что-то больно долго вы купались, господа алкоголики, – пыталась Олимпиада Петровна.

– Мы не купались, – пояснил Окуркин. – Мы к человечку нужному мотались – за оборудованием.

– Каким оборудованием? – тут же насторожилась тёща. – Небось самогонный аппарат припёрли?

– Олимпиада Петровна, а вот скажите, что такое энтропия? – с ходу контратаковал Сергей и с наслаждением наблюдал потом, как вытягивается лицо тёщи.

– Ну... Ну, дорогой зятёк, такого я даже от тебя не ожидала.

С этими словами Олимпиада Петровна вышла из-за стола и покинула «красный уголок», громко хлопнув фанерной дверью.

– Сергей! Как ты можешь так с мамой?! – воскликнула Люба и выбежала вслед за тёщей.

– Не, ну ты видал? – усмехнулся Тютюнин. – Они думают, что это какое-то неприличное слово, а это...

Ну и что же это?

– Я пока не знаю. Надо будет у Кузьмича спросить – это ведь он сказал мне это слово.

– Так вот лучше спроси, а потом уже применяй. Это, может, действительно оскорбление ругательное, а ты применяешь его, не понимая.

– Ладно. Пошли ложиться. Нам ещё завтра с утра землю вскапывать, – сказал Сергей, чувствуя за собой некоторую вину.

Может, и правда слово-то ругательное, а он... Одним словом, в понедельник нужно у Кузьмича все выяснить.

Люба постелила друзьям под деревом. Один матрац и полторы фуфайки, а накрываться пришлось оставшимися в «красном уголке» кумачовыми лозунгами.

Лехе, как гостю, достался «Слава КПСС!», а Серёга довольствовался «Пятилетку – за два года!»

Окуркин почти сразу успокоился и стал посапывать, а Тютюнин ещё долго смотрел в звёздное небо, размышляя о далёких планетах и иных цивилизациях. Неужели они все-таки есть? Или права тёща и все это выдумки Чубайса и продажных журналистов?

Неожиданная догадка пришла в голову Серёги, он толкнул локтем спящего Окуркина.

– Ну чего тебе? – сквозь сон пробормотал тот.

– Слушай, Лех, ты помнишь, как мы с тобой на речке мылись?

– Ну?

– А потом из лагеря дети набежали? – Ну?

– Так откуда в лагере дети, если до каникул ещё целая неделя?

– А тебе не один ли хрен? – зло спросил Окуркин, окончательно потеряв сон. – Спи давай – нам завтра работать надо. С оборудованием...

Сказав это, Окуркин отвернулся в сторону Московской области и тут же уснул.

Сергей вздохнул. Случалось, его не понимал даже Леха. Ещё немного поскучав, он тоже заснул.

10

Утро выдалось студёное, и Сергей с Лехой, укрытые лишь наглядной агитацией, сильно продрогли.

– Подъем, махновцы! – злорадно закричала Олимпиада Петровна, подобравшись к спящим.

– Чего вы так орёте, тётя Лимпа? – недовольно спросил Леха. Он резко сел и потянул носом. – Завтрак готов?

– Готов. Вставайте уже. И рожи свои кривые помойте. Используя весь запас утренних любезностей, Олимпиада Петровна вернулась к небольшой железной печурке, которая на даче играла роль семейного очага.

– Ну и тётца у тебя, Серёг.

– Не тётца – добрый пасечник, – осипшим голосом произнёс Тютюнин. – Ладно, давай позавтракаем, потом закончим с этими грядками и домой поедим. Я что-нибудь сокру Любке, скажу, что у меня дела срочные. В противном случае мне с ними ещё два часа на электричке конопатиться.

– Да, друг. Я тебя понимаю.

Приятель поднялся и отправился умываться под «мойдодыром», прибитым гвоздями к дереву. Потом они чистили зубы – Тютюнин воспользовался своей щёткой, а Лехе достался помазок из свиной щетины, который Любин дедушка в сорок пятом году вывез из Кенигсберга.

Свиная щетина набилась Лехе в рот, и он долго отплёвывался в кустах, вызывая недовольство Олимпиады Петровны и удивление Любы.

– Да что же он там делает?! – восклицала Олимпиада.

– Ему щетина в рот попала, – помешивая горячую кашу, пояснил Сергей.

Вскоре, отплевавшись окончательно, к столу, поставленному на месте будущего колодца, пришёл Леха. Несмотря на проблемы с помазком, его лицо светилось энтузиазмом. Понюхав поданную тарелку с пшённой кашей, он похвалил поварское искусство тютюнинских женщин. На что Олимпиада Петровна тут же заметила, что это только её глупой Любашке не повезло, а сама она носила гордую фамилию Удрюпниковых.

– Старая фамилия. Из купеческого рода. Я её и в замужестве не меняла.

– Мама, ты же говорила, что в вашем роду были одни комиссары, – заметила Люба.

– Говорила, потому что иначе нельзя было. Репрессии и все такое.

– Вы уже решили, где чего сажать будете? – вмешался Леха, стремясь гармонизировать отношения в семье Тютюниных.

– А чего тут решать, если земля ещё не вскопана?! – снова взялась за своё Олимпиада Петровна. – Такими темпами, как у нашего Сергея Викторовича, мы здесь только к осени чего-нибудь посадить сможем. Коноплю уже, наверное.

– Нет, ну зачем коноплю, – возразила Люба. – Вот здесь горох будет, там дальше – за пенёчком, картофельный клин, тут вот – баклажаны, морковочка, а в ямочке – арбузик... А между ними дорожки ровненькие, песочком посыпанные. Я такие в журнале видела.

– А потом я на этих дорожках мины поставлю, нажимного действия... – мечтательно закатив глаза, произнёс Тютюнин. – И не скажу Олимпиаде Петровне где.

Услышав слова зятя, Олимпиада едва не подавилась кашей. Звякнув ложкой, она поднялась из-за стола с оскорблённым видом и скрылась в «красном уголке», заявив, что идёт «прибраться в каморке».

– У папы Карло, – машинально дополнил Леха и попросил добавки.

11

Содержимое чемоданчика с оборудованием поначалу озадачило и Сергея, и Леху. Они ожидали найти что-то похожее на плуг или хотя бы на бензопилу «Дружба», а тут была какая-то дрель и связка «карандашиков», связанных проводками вроде новогодней гирлянды.

– Это чего за Новый год такой, Леха? – спросил Тютюнин.

– А я тебе доктор, что ли? Давай инструкцию читать, – ответил Окуркин и раскрыл тоненькую замасленную книжицу с надписью «Инструкция по применению специального набора ВЗ-104А».

– Тут написано, что у нас должен быть допуск, – через какое-то время сообщил Леха.

– Куда пропуск?

– А я без понятия. Ладно, едем дальше. Эта хреновина, – Леха ткнул пальцем в открытый чемодан, – не дрель, а «пер-фо-ра-тор».

– Пер-фо-ра-тор, – зачарованно повторил Тютюнин. – Не слабо. А дальше?

– Дальше... -Окуркин стал водить пальцем по замасленным листам. – Ага, карандаши эти на верёвочке называются – ВУ.

– А выключатель-то зачем?

– Какой выключатель? – Окуркин отвлекся от инструкции и заглянул в чемодан.

– Вот этот. У нас в подвале на стене почти такой же...

– Ну, значит, тут все на электричестве, – сделал вывод Окуркин. – Ладно, слушай дальше. Тут написано, что нужно выбрать из таблицы вид породы. «Известняк», «песчаник» или «гранит». Ты чего скажешь, хозяин тайги?

Тютюнин ковырнул носком ботинка слежавшуюся глину и уверенно сказал:

– Пиши – гранит.

– Хорошо, контора пишет. Значит, для гранита по таблице – пятьдесят сэмэ.

– А чего такое «сэмэ»?

– Это все равно что половина мэ.

– Хорошо, а чего «мэ»?

– Мэ чего? – Леха снова потыкал в инструкцию пальцем и сказал:

– «Мэ» – это расстояние между отверстиями.

– Так, может, «мэ» – это метры?

– Точно, Серёга! Точно метры! – обрадовался Окуркин. – Ну ты молодец, а то понаписали тут... Оказалось, метры... Значит, так – сверлим дырки, забиваем туда «карандашики» и включаем ток.

– И все?

– И все. – Леха закрыл инструкцию и покровительственно улыбнулся. – Я же говорю – оборудование. А то бы ты тут до морозов колупался...

Достав из чемодан перфоратор, Леха вставил в него прилагавшееся сверло и для пробы нажал «пуск». Перфоратор жутко завибрировал, заставив Тютюнина отпрыгнуть в сторону.

– Спокойно, я – Дубровский, – усмехнулся Леха. – На аккумуляторе работает штукенция. Показывай фронт работ, хозяин.

Тютюнин даже растерялся поначалу, но затем, вспомнив первоначальные распоряжения тёщи, быстро определился с местом применения.

– Вот здесь, где трава не растёт, – сказа он.

– Хорошо, отходи в сторону. Как сказал Пушкин – здесь будет город заложен.

– Город-сад, – подсказал Сергей.

Окуркин приставил сверло к глине и начал сверлить.

Перфоратор застучал, как самый настоящий отбойный молоток, и на этот шум немедленно примчались Люба и Олимпиада Петровна.

– Эй, вы так всех червей распугаете! – сквозь стук перфоратора прокричала Люба.

Окуркин выключил перфоратор и, нагнувшись, заглянул в полученное отверстие. Затем распрямылся и заметил:

– Черви, Люба, в граните не живут.

– А почему? – удивилась Люба. – А потому, что его грызть трудно...

– Ох, попортят они, Люба, этим своим вибраторам весь наш гумус, – заметила Серегина тёща. – А без гумуса нет ни редисочки, ни картошечки...

– Ни водочки, добавил Окуркин и принялся выдалбливать следующую дырку.

Женщины ушли, и работа пошла быстрее. Как выяснилось, «карандашиков ВУ» оказалось целых сто штук, так что Сергею пришлось неоднократно сменять Леху.

Друзья опасались, что у перфоратора сядут аккумуляторы, однако этого не произошло, и задолго до обеда удалось насверлить больше ста дырок.

– Ничего что дырки лишние, – заметил Окуркин. – Про запас останутся.

12

К моменту, когда все «карандашики» были рассованы по дыркам, Олимпиада Петровна и Люба уже заканчивали приготовление обеда.

Вкусные запахи кружились в воздухе и отвлекали приятелей от работы.

– Может, после обеда включим? – предложил Тютюнин.

– Судя по настроению твоей тёщи, Серёга, мы не получим обеда, пока дело не сделаем.

– Ну, тогда давай включать. Давай.

Окуркин вытянул чёрную коробочку с включателем вроде подвального и без задержки щёлкнул им, однако ничего не произошло.

– Ты смотри какая зараза! – покачал головой Тютюнин. – Не сработала. Может, батарейки сели?

– Да нет, вот лампочка контрольная – она горит.

– Ну-ка. – Сергей подошёл поближе и удостоверился, что с батарейками все в порядке.

Окуркин сделал ещё несколько неудачных попыток, затем положил включатель на землю и сказал:

– Если ничего не получается, нужно смотреть инструкцию.

– Точно, нужно смотреть, – согласился Сергей.

Они снова взялись за засаленную книжицу и в разделе «Включение цепи» нашли упоминание о предохранителе, который блокировал случайное включение.

– Ну вот в чем собака-то зарыта! – обрадовался Леха. – Давай по новой.

– Стой, давай читаем раздел «Безопасность».

– Да чего там читать? «Не влезай – убьёт», «Не стой под стрелой» и «Мама мыла раму»...

Окуркин уже схватился за включатель, когда был остановлен выкриком:

– Стой! Кричал Серёга.

– Ты чего разорался-то? – удивлённо спросил Окуркин.

– Тут написано – сто метров...

– Чего «сто метров»?

– Нужно отойти на сто метров.

– Серьёзно?

– Вот, сам смотри.

Окуркин вернулся к инструкции и убедился, что Тютюнин прав.

– Интересно, зачем так далеко топать? А провода хватит? Леха заглянул в чемодан, где ещё валялась довольно увесистая бухта.

– Я знаю зачем, – поднял палец Тютюнин. – Это чтобы током не шарахнуло, как корову!

– Какую корову?

– На колхозном поле, в грозу.

– А-а, понимаю. Тогда, может, лучше калоши надеть резиновые?

– Можно, – согласился Сергей. Топать сто метров от дачи ему не хотелось, тем более что примерно на этом рубеже начинался колючий кустарник. – Эх, ничего не выйдет. Резиновых калош у нас только две пары, и в них сейчас Люба и тёща.

– Ну тогда пошли отматывать – инструкция есть инструкция, ничего не поделаешь.

– А тёще с Любой скажем?

– А зачем? – пожал плечами Окуркин. – Они же в калошах.

– Точно. Ну тогда пошли.

Друзья стали спускаться с холма, на вершине которого находилась Серегина дача, но тут их исчезновение заметила бдительная Олимпиада Петровна.

– Ты смотри, Любаша, эти бездельники в кусты рванули. Можешь не сомневаться, у них там самогонка припрятана... Бери скалку, доча, и за мной.

13

Едва Леха с Сергеем размотали весь провод, как откуда ни возьмись налетели Люба и Олимпиада Петровна.

– О, вы чего здесь делаете? – удивился Тютюнин.

– А мы вам компанию составить решили, Сергей Викторович, на вашу самогоночку.

– Какую самогоночку?

– А ту, которую вы тут припрятали и потихоньку высосать собирались.

– Мы работаем, тётя Лимпа, – вступился Леха. – Отошли на всю длину провода, как написано в инструкции.

– Где эта инструкция? – строго спросила Олимпиада.

– Вот, – сказал Сергей, протягивая книжечку.

Теща выхватила её, словно это была не инструкция, а какие-нибудь три рубля, пролистала все страницы и спросила:

– А почему нам с Любашей ничего не сказали? Хотели избавиться от двух слабых женщин, босяки?

– Зачем вам говорить, когда вы в калошах, – попытался объяснить Леха. – Вот если бы вы были коровы...

Не договорив, Окуркин замолчал. Он вспомнил, что его машина стоит возле Серegiной дачи – совсем близко.

– Елы-палы, я же «запорожец» забыл перегнуть! И, сорвавшись с места, Леха побежал в гору.

– Так он же в калошах, твой «горбатый»! – злорадно закричала ему вслед Олимпиада Петровна. А Люба повертела в руках ненужную скалку и честно призналась:

– Ничего не понимаю.

Вскоре Леха пригнал «запорожец» и запарковал его в кустах. Затем, повеселевший, подошёл к компании и, взяв из рук Тютюнина выключатель, сказал:

– Сейчас быстренько взрыхлим и будем обедать, правильно, Олимпиада Петровна?

Серегина тёща ничего не ответила, и Леха, элегантно жестом отбросив собачку предохранителя, нажал главную кнопку.

В первое мгновение никто ничего не понял. Земля просто ушла из-под ног, а затем подпрыгнула вверх, больно Ударив по подошвам.

Все вокруг загрохотало, засвистел, срывая листву, горячий ветер, а затем, закрыв собой полнеба, сверху обрушился Целый град глиняных комьев.

Этот ужас длился всего несколько секунд, а потом послышались первые стоны.

– Моя машина... Моя машина... – бубнили из-под первого глиняного холма.

– Люба! Доча, ты жива?! – кричали из-под другого.

– Жива, мама...

– А скалочка! Скалочка ещё при тебе, доча?

– Нет, мама, где-то обронила!

Тютюнин почти ничего не слышал, поскольку его завалило сильнее всех, однако, упёршись в землю ногами, он сумел вынырнуть на белый свет, который оказался каким-то жёлто-оранжевым.

Солнце едва пробивалось сквозь плотную пыльную завесу, а слабый ветер неохотно относил в сторону гигантское облако копоти, похожее на гриб от ядерного взрыва.

– Серёга! Мы, наверное, бомбу взорвали атомную! – позабыв про «запорожец», ошалело воскликнул Окуркин. – Ну Бухалов, сволочь! Ну подсунул!

Хрипло кашляя и вздымая тучи пыли, на ноги поднялась Олимпиада Петровна:

– И ведь ещё издевались, подлецы – в калошах, дескать, Люба, нам ничего не грозит...

– Ой, что же это было, Серёжа? – заныла Люба. – Чего ты с нами сделать хотел?

– Он убить нас хотел, Люба, доча моя! Убить за наследство, как дон Хулиан в фильме «Моя вторая неродная мама»!

– Я только взрыхлить хотел! – заорал Серёга, потрясая пыльными руками и белея зубами на оранжевом лице.

В небе застрекотал вертолёт.

– Ой, надо же сказать им, что это не мы! Надо сказать, что это Сергей Викторович! – спохватилась-тёща и стала отплясывать на глине и размахивать руками. – Не стреляйте, не стреляйте!

– Поздно кричать, Олимпиада Петровна, – сурово произнёс Окуркин. – Радиация уже сделал своё чёрное дело... Мы все обречены...

От таких слов своего друга Серёга сел на глину и, в сердцах хлопнув по ней рукой, сказал:

– Взрыхлили, мля, землю. Посадили картошечку.

14

Полетав вокруг места происшествия, вертолёт приземлился у подножия холма, где раньше была зелёная травка. Теперь там простиралась безжизненная красная пустыня, где очень уместно смотрелись бы лунные кратеры.

Взметнув и без того ещё не улёгшуюся пыль, вертолёт с буквами «МЧС» на борту высадил десант и снова поднялся в небо.

– Опасаются... – прокомментировал Леха и двинулся навстречу людям в блестящих, как у космонавтов, костюмах.

Заметив шевеление, «космонавты» замерли, однако поняв, что это не диковинный зверь, а всего лишь Леха Окуркин, помахали ему руками.

Следом за другом навстречу десанту с Большой земли вышел Сергей Тютюнин. Он видел, как люди в блестящих костюмах измеряли Леху какими-то приборами и все кивали, кивали головами.

Когда Тютюнин подошёл ближе, его проверили таким же образом, и он ничуть не испугался.

Неожиданно «космонавты» все разом вздрогнули и подались назад. Сергей резко обернулся и понял, в чем дело. Это была Олимпиада Петровна, причёска которой встала Дыбом от глиняной пыли, а улыбка только придавала ей сходство с обгоревшим Терминатором.

– Не бойтесь, это евонная тётца, – пояснил Леха, указав на Сергея.

Когда Олимпиада Петровна подошла ближе, главный «космонавт» шагнул ей навстречу и спросил:

– Бабка, немцы в деревне есть?

– Чего? – не поняла Олимпиада.

– Шутка! – сказал главный и глухо засмеялся под своим шлемом. – Стой ровно, – добавил он и поводит вокруг Олимпиады специальным прибором. Затем так же проверил Любу и, облегчённо вздохнув, снял шлем.

Его товарищи последовали примеру главного и открыли свои покрасневшие, распаренные лица.

– Михалыч, покурим? – предложил один из «космонавтов».

– Покурим, – согласился главный и, получив сигаретку, прикурил её от поднесённой зажигалки.

Затянувшись и выпустив дым, он ещё раз внимательно посмотрел на погорельцев:

– Что здесь произошло?

– Мы сами не поняли, – честно признался Окуркин.

– Но взрыв-то был.

– Взрыв? – Серёга пожал плечами. – Мы вообще-то хотели землю взрыхлить, чтобы гумус и все такое...

– Червячки чтобы водились, – хрипло добавила Люба. «Космонавты» переглянулись.

– Какие червячки? – уточнил главный, в его голосе слышалось сочувствие.

– Земляные...

– Земляные, – повторил главный.

В этот момент заработала его рация.

– «Второй», что удалось узнать? «Второй», ответьте!

– Докладываю: радиации нет. Провожу дознание.

– Как проводите?

– Методом опроса пострадавших...

– А живые среди них есть?

– Живые? – Главный ещё раз посмотрел на погорельцев. – Живые есть.

– Хорошо, значит, я могу докладывать вверх?

– Да, докладывайте.

Убрав рацию, главный спасатель вернулся к прерванному дознанию:

– Так чего там у нас насчёт червячков?

– Земля была твёрдая, вот мы и решили её взрыхлить, – снова принялся объяснять Серёга. – Лопатой никак не получалось, и мы поехали к метростроевцам...

Тютюнин взглянул на Леху, и тот, вздохнув, продолжил:

– Это Бухалов виноват, товарищ главный. Это он виноват, сволочь, все дни напролёт пьяный, и собака у него закладывает, а её уволить не могут, потому как она ветеран пограничных войск и не раз прыгала с парашютом... – Выпалив все это без запинки, Окуркин развёл руками и добавил:

– Вот.

– Ну что же, картина ясная, – произнёс главный, понимая, что свидетели сильно повреждены. – Давайте совершим восхождение. Вы не против?

– Вообще-то у нас там «красный уголок» остался, – сказал Сергей, махнув в сторону развороченной вершины холма.

– Так-так. И чего вы там делали, в уголке?

– Мы? Мы там отдыхали-и...

– Укрывались от ветра и дождя, – добавил Окуркин.

– И ещё мы с мамой там переодевались, чтобы в чистом не работать, – вставила своё слово Люба.

– А чего же вы там работали?

– Грядочки организовывали.

– Так у вас там огород, что ли, на холме?

– Дачка.

– Дачка, баксов пачка, – задумчиво произнёс главный и, бросив окурок на лунный грунт, раздавил его космонавтским ботинком. – Ладно, пошли посмотрим на вашу Дачку... -

15

Подниматься на холм по осыпающемуся склону пришлось цепочкой.

Чем выше восходил Серёга Тютюнин, тем яснее представлял себе масштабы постигнутого им с Лехой разочарования.

Красно-коричневая местность простиралась на километр вокруг, и все это пространство выглядело безжизненным.

Вскоре команда оказалась на вершине, все повернулись и заглянули в кратер.

– Значит, для червячков старались? – снова спросил главный, оценивая на глаз глубину воронки. – Глубоковато получилось – метров пятнадцать.

Помимо покрытых гарью склонов, в кратере, словно лепестки гигантской чёрной ромашки, обозначались остатки железнодорожной цистерны.

– Откуда это там? – поразился Окуркин.

– То есть это не вы её туда закопали? – спросил спасатель.

– Нет, это до нас кто-то. Здесь раньше нефтебаза была, а только потом моя дача.

– Ты что, придурок, дачу на нефтебазе организовывал? – искренне изумился спасатель.

– Это не я придурок, товарищ командир. Это моя теща придурок! – Серёга радостно указал на Олимпиаду Петровну.

Развить свою мысль дальше ему помешал шум гусеничной машины, которая подкатила к холму и стала быстро взбираться по сыпучему склону.

– О, сам министр! – воскликнул главный спасатель и сейчас же нахлобучил свой шлем. Его бойцы тоже побросали окурки и оделись по форме.

Вездеход с эмблемой «МЧС» остановился в нескольких метрах от кратера, из кабины выскочил невысокий подвижный человек. Тютюнин сразу узнал его, однако фамилия тела из головы, должно быть, от удара взрывной волны.

«Шмидт, Щорс, Шеварднадзе...» – перебирал Серёга, а министр между тем соскочил на лунную осыпь и, заглянув в кратер, негромко выругался.

Спрыгнувший следом за ним заместитель в генеральском мундире едва не съехал в огромную воронку.

«Шварц, Шикльгруббер, Шлагбаум...» – крутилось в голове Тютюнина.

– Здравствуйте, товарищ Березовский! – неожиданно проревела Олимпиада Петровна. – Мы вас так ждали!

От её неожиданного крика все сотрудники МЧС едва не попадали в кратер.

Придя в себя от такого потрясения, министр одёрнул пиджак и сурово сказал:

– Я вижу, без пострадавших тут не обошлось?

– Да, малость повредились, – подтвердил командир группы спасателей.

– Да вы шлемы-то снимите. Чего людей пугать? Они и так вон кошмары наяву видят.

Спасатели с облегчением сняли шлемы.

– Что удалось выяснить? – поглядывая на развороченную цистерну, спросил министр.

«Шолом-Алейхем, Ширак, Шри-Ланка...» торопился Серёга, однако с такой нагрузкой его голова не справлялась.

– Они несут какой-то бред, товарищ министр, – пожал плечами спасатель.

– Какой именно бред?

– Ну-ка ты, контуженный, расскажи, – обратился спасатель к Лехе.

– Ага, сейчас... Значит, чтобы червячки, мы разрыхлить решили, а Бухалов, сволочь, собака у него пьёт, на парашюте прыгает и бутерброд с килькой... Э-э... Где-то в среднем Уровне...

– Ну что тут непонятно? – Министр строго посмотрел на командира спасателей. – Человек рассказал, что они от-

Правились на участок строительства станции метро «Наглово» и у своего знакомого про-раба Бухалова взяли набор для взрывных работ. Насверлили перфоратором дырок, сунули в них взрывные устройства ВУ и с расстояния сто метров произвели подрыв.

– Точно! – кивнул Леха.

– А ещё собаку зовут Алмаз, – заметил заместитель с генеральскими погонами.

– Ты-то откуда знаешь? – удивился министр.

– Мы с Алмазом вместе служить начинали. Я лейтенантом, а он маленьким щенком.

– Ну ладно. С этим разобрались, – подвёл итог министр. – Пострадавшие, садитесь в вездеход, я отвезу вас в медпункт.

– Меня не нужно, – замотал головой Леха. – Мне ещё машину откапывать. У вас случайно лопаты не найдётся?

– А я ему помогу, можно? – поднял руку Серёга. – А вы лучше заберите с собой женщин.

– А здесь что, женщины есть? – удивился министр.

– Да, это мы! – радостно объявила Олимпиада Петровна и шагнула к министру, едва не свалив его своим бюстом.

16

Министр любезно выделил Лехе с Сергеем две сапёрные лопатки, после чего вся спасательная команда вместе с Олимпиадой Петровной и Любой уехала.

Супруга Тютюнина напоследок крикнула, чтобы Сергей не задерживался долго, и тот ответил: «Ладно».

– Ну и что теперь делать? – вздохнул Тютюнин, когда вездеход скрылся из виду, оставив лишь шлейф красноватой пыли.

– Откапывать пойдём, чего же ещё.

– Да я не об этом. Оборудование-то пропало.

– Да и хрен с ним. Ты думаешь, Бухалов чего-нибудь помнит?

– А что, нет?

– Ну ты же не помнишь, как на Восьмое марта милиционера облевал.

– Что?

– Вот то-то и оно. Иногда память нам изменяет. Друзья спустились к месту, где под слоем глины скрывался окуркинской «запорожец», и приступили к работе.

Глина была рыхлая и копалась легко, а толстая шкура «лупатого» помогла ему перенести испытание без потерь.

Даже двигатель завёлся почти что сразу, и друзья с комфортом совершили спуск на днище машины, поскольку колёса до твёрдой земли не доставали.

Чтобы привести себя и автомобиль в порядок, было решено ехать на уже знакомую речку Каменку.

Там друзья искупались, прополоскали вещи, а затем, набрав в ведёрко воды, поднялись к «запорожцу», чтобы его помыть.

Не успели они намочить бока «лупатого» скакуна, как услышали рёв десятков глоток и увидели ту самую орду пионеров, о которой рассказывал Окуркин.

– Чего-то они сегодня поздно, – заметил он. Человек пятьдесят детей разного возраста ещё издали стали метать в реку заряды. Каменка содрогнулась от взрывов.

– Интересно, их мамочки знают об этом? – подумал вслух Тютюнин.

Они с Лехой постояли за кустами ещё немного, однако взрывов больше не последовало, и друзья вышли на открытое место, чтобы посмотреть, за чем же охотятся малолетние преступники.

Оказалось, что дети собирали вовсе не оглушённую рыбу. Они собирали лягушек!

Зелёных и коричневых лягушек с вытянутыми ногами и посиневшими животами. Мальчишки словно грибы забрасывали их в лукошки, и Окуркин неожиданно для себя крикнул:

– Эй, почём улов, парни?!

Сбор лягушек сейчас же прекратился, десятки подозрительных глаз уставились на двух невесть откуда взявшихся дачников.

В руках у одного «пионера» Тютюнин заметил неиспользованный заряд.

«Дурак Леха, – подумал Сергей. – Ой дурак...»

– А ты чего, купить хочешь? – с ехидной улыбкой поинтересовался самый крупный хулиган. Он как две капли воды был похож на Мишку Квакина из книжки «Тимур и его команда», которую злые языки называли «Чубайс и его Семья».

– Куплю, если товар хороший, – с расстановкой произнёс Леха, косясь на пионера с неизрасходованным зарядом.

– Ты чего, Мишка, Лохматый запретил нам с другими торговаться! – одёрнул главного хулигана кто-то из пацанов.

– Да плевал я на Лохматого, – огрызнулся тот. – С кем хочу, с тем и торгую.

– А вы откуда будете, парни? Может, я к вам в гости наведаюсь? Там и поговорим, – продолжал сходить с ума Окуркин, сам дивясь своей смелости.

– Из Горелкова мы, – ответил Мишка. – А вы-то кто такие? Гости столичные?

– Мы-то? – Окуркин задумался, что бы такое соврать, но тут его неожиданно опередил разволновавшийся Сергей.

– Сапёры мы, – сказал он. – Из МЧС.

– Эй, так это вы нефтебазу-то взорвали?! – догадался тот пацан, что предупреждал о Лохматом.

– Пришлось, парень, пришлось. Чуть сами там не остались.

– Ух ты! – Подозрительность в глазах горелковских мальчишек сменилась восхищением. – А чего было-то, бонба ?

– А то, – кивнул Леха. – С дав них времён. С самого монголо-татарского ига пролежала... Проржавела вся...

– Ладно, – складывая к лукошко последних лягушек, согласился Мишка. – Будете в Горелкове, спросите товарища Ежова.

– Так ты, стало быть, Ежов? – догадался Леха.

– Нет, я его товарищ.

17

Было время, когда дунтосвинты делили планету Квак с мотофибами, однако вследствие долгих войн мотофибы были почти полностью уничтожены, и лишь часть их сумела укрыться на отдалённых ледяных астероидах.

Оставшись без конкурентов, дунтосвинты стали быстро размножаться, и вскоре первые из них вышли на сушу, иначе все прибрежные океанические воды походили бы на густую похлёбку из морской воды и дунтосвинтов.

Прошли тысячелетия, сухопутные дунтосвинты вынужденно приспособились к тяжёлым условиям, быстро развиваясь, строя себе жилища и отводя от рек и озёр каналы, в которых они разводили лягушек.

Что же до водоплавающих дунтосвинтов, то те подчинялись воле океанских течений и мигрировали вслед за морскими лягушками фугу, которыми они питались. Когда поголовье фугу в океане увеличивалось, жизнь водоплавающих дунтосвинтов становилась беззаботнее, но такое случалось не часто, и однажды из-за неурожая фугу произошёл первый поход водоплавающих дунтосвинтов на сушу.

Благодаря своей многочисленности водоплавающие после долгих кровопролитных войн завоевали земли своих сухопутных братьев и были немало удивлены тем, как далеко в своём развитии те ушли от морских сородичей.

Вожди морских дунтосвинтов поразились специальным сооружениям, где даже в жаркий день можно было полежать в прохладной трясине.

Они с удовольствием ели озёрных и речных лягушек, наслаждаясь их нежным мясом. И вскоре им окончательно стало ясно, что жить на суше правильнее и полезнее для дунтосвинтской нации.

Разрозненные вожди организовали совет и избрали Редиректора, который объявил водоплавающих и сухопутных дунтосвинтов равными в правах и основал первый дунтосвинтский город – Квакбург.

Когда-то это было небольшое поселение из полусотни насыпных глиняных холмов, изрытых ходами и соединённых друг с другом заполненными илом каналами. Однако со временем город так разросся, что занял целую половину острова, дрейфовавшего в Саргассовом океане.

Дунтосвинтское государство развивалось. Появились торговый флот и новые города. Остававшиеся в океане разрозненные дунтосвинтские племена время от времени пытались разрушить Редиректорат, однако это им не удавалось.

В истории дунтосвинтов было ещё много войн, пока они не создали наконец могучую цивилизацию.

Просвещённые дунтосвинты стали носить одежду, окрашивать кожистые гребни в яркие цвета и завозить на Квак уцелевших мотофибов, поскольку стало модным иметь мотофибскую прислугу.

Столичные дунтосвинты гордились тем, что в море давно уже «ни ногой», а тех, кто ещё жил в океане, они презрительно называли деревней.

На Кваке оставалось ещё достаточно свободных территорий, однако дунтосвинты начали строить военный флот и захватили одну за другой несколько населённых планет.

Одной из них была Ибабуту, где жили и процветали разумные и миролюбивые тушканчики.

Они с готовностью признали главенство дунтосвинтов и вернулись к своим повседневным заботам. Тушканчики были мастеровитыми существами и обожали чеканить по меди, по жести и вообще по чему попало.

Оставив на Ибабуту небольшой гарнизон, основная часть дунтосвинтов улетела, поскольку на планете тушканчиков не было воды, а местные аборигены довольствовались той жидкостью, что получали вместе с суховатой травкой.

По другим данным, они с удовольствием пили кислоту из вулканических кратеров.

На Шабоклее захватчикам повезло больше, поскольку там не было собственной разумной расы, а вот болота имелись в изобилии. Дунтосвинтским селекционерам удалось вывести сорт лягушек, которые не умирали от серных испарений, и Шабоклей стал понемногу колонизироваться.

Когда пришло время очередного расширения имперских владений, разведывательные корабли прилетели в Солнечную систему.

Поначалу дунтосвинтам понравился Марс, и они планировали разводить там лягушек.

Были выделены средства для рытья системы каналов, однако вскоре появились более важные направления, вследствие чего почти готовые марсианские каналы были заброшены, а вся Солнечная система предана забвению.

Одним лишь боссам Имперской разведки не давали покоя быстро развивающиеся племена землян.

Климат на планете Земля все время менялся, но в конце концов он как-то организовался и там появились первые лягушки.

С этого момента за планетой стали следить более внимательно.

В штате Имперской разведки появился специальный отдел, который готовил разведчиков-нелегалов для работы в среде людей.

Это были специалисты, в совершенстве владевшие методами экранного гипноза.

Именно этим объяснялся тот факт, что внешность дунтосвинтских шпионов не казалась людям вызывающей и ни одна собака не могла унюхать исходивший от них запах тины.

Иногда, чтобы чуть-чуть расслабиться, дунтосвинтские агенты собирались вместе и, ослабив гипнотическое воздействие на людей, приоткрывали свою тайну. Если же кто-то вдруг удивлялся их необычному виду, дунтосвинтские шпионы принимались уверять, что они просто молодёжное течение, и даже придумали этому течению название – панки.

В человеческом обществе к панкам постепенно привыкли, и когда порой у кого-то из них зеленело лицо или вырастали слишком острые зубы, к этому относились с пониманием – чего с них взять, панки.

Одним словом, дунтосвинты на планете прижились и продолжали разведывательную деятельность.

18

Прямо с борта крейсера адмирал Пинкван отправился в Государственное Собрание, которое располагалось в центре Квакбурга, в большом пятиугольном здании, чаще называемом Пентакваном.

От порта до города адмирал добирался на персональном квамузине. Аппарат стремительно нёсся над покрытыми дымкой низинами, вся площадь которых была нарезана правильными квадратиками лягушачьих ферм.

Адмирал помнил времена, когда здесь были тихие болота, где росли квалотосы и кваромашки.

Но это осталось в далёком прошлом.

Качнувшись на воздушном потоке, квамужин изменил курс. Через несколько минут за стеной молочно-серого тумана стали проступать величественные здание Квакбурга – Города Городов и Столицы всех Столиц.

* * *

Пробиваясь сквозь низкую облачность, солнечные лучи выхватывали то один, то другой район города, и это великолепное зрелище так взволновало адмирала, что он невольно стал напевать песню из популярного фильма «Квакбург в сердце моем».

– Квак-бу-у-ург, о-о-о, Квак-бу-у-ург! – гундосил адмирал, а сидевший за ним адъютант кривил губы и тряс от омерзения кожистым гребнем. Пение адмирала ему не нравилось.

Когда Пинкван заголосил: «...я помню твои ночи, Квакбург...», лейтенант наконец не выдержал и, вскочив со своего места, закричал, перекрывая вой адмирала:

– Не желаете ли лягушечку, мой адмирал?!

– Лягушечку? – переспросил адмирал, внезапно почувствовав голод. – Да, пожалуй, я съем лягушечку... м-м... э-э... Двенадцатый номер, пожалуй.

Приняв холодную лягушку, Пинкван успокоился. Ква-музин пошёл на снижение, осторожно маневрируя между высотными зданиями и избегая столкновения с другими квамужинами. Он на мгновение завис над пятиугольной крышей Пентаквана, затем стал медленно опускаться, пока не коснулся посадочного квадрата, обозначенного цепочкой мигающих огней.

Распахнулась дверь, разложился трап, адмирал, опираясь на лапы встречавших его служащих, сошёл на бетон.

– Ты нас просто спас, дружище, спасибо... – поблагодарил пилот квамужина, когда адъютант адмирала проходил мимо него. – Когда старик заголосил про ночи Квакбурга, я был готов штурвал бросить...

– Не стоит благодарности, – усмехнулся лейтенант. – Это моя работа.

Спускаться на нужный этаж пришлось довольно долго – помещение, где заседало Государственное Собрание, ндхо-дилось глубоко под землёй. Это диктовалось не только требованиями безопасности, но и неспособностью многих престарелых дунтосвинтских сенаторов выдерживать сухой воздух верхних этажей. Чем старше становились дунтосвинты, тем сильнее они чувствовали свою принадлежность к водоплавающему народу.

19

У выхода из лифта адмирала ожидала церемониальная свита, поскольку в этот день он был Главным докладчиком Государственного Собрания.

Восемь рослых дунтосвинтов были наряжены в старинные костюмы и представляли восемь различных стихий: «сильного дождя», «так себе дождя», «слабенького дождя», «сырого тумана» и «тёплого течения». Всего набиралось пять стихий, а оставшиеся три стихии носили название резервных.

Окружённый свитой адмирал Пинкван отправился в длинное путешествие по главным коридорам Собрания – так требовал древний церемониал. Прежде, в далёкие стародунтосвинтские времена, курьер обходил таким образом все каналы поселений. По сравнению с курьерами прошлого адмиралу было куда легче, ведь он шагал не по глубокой грязи, а по красным ковровым дорожкам.

Молодые секретарши и письмоводительши, работавшие в Пентакване, при виде процессии останавливались и с интересом рассматривали адмирала, что было немудрёно – в его возрасте почтённые дунтосвинты находили себе спутницу жизни.

– Внимание! Господин адмирал флота Его Императорского Величества Пинкван Ква Боземото! – объявил глашатай, когда адмирал наконец появился в зале заседаний.

Демонстрируя ему своё уважение, сенаторы затрясли гребнями и стали со скрежетом царапать когтями свои столы. А Пинкван, оставив церемониальное сопровождение у дверей, важно взошёл на трибуну, окинул взглядом притихший зал и провозгласил:

– Ква – нашему Императору! Ква –• уважаемым сенаторам и мне, скромному Пинквану – ква!

– Ква-ква-восемь-раз-ква! – – дружной скороговоркой произнесли сенаторы, и снова в зале воцарилась тишина. Это было затишье перед бурей.

– Ур-родливый водоп-плавающий Пинкван! Где ты был все это время и почему тебе нечего нам сказать, мор-рда зелёная, а?! – – прокричал Председатель собрания. Он не имел против адмирала ничего личного, однако такова была традиция.

– Я не уродливый водоплавающий, мои предки, в частности Пинкван Ква Твисту, взошёл на берег девятьсот тридцать четыре периода тому назад... С тех пор я хожу по суше, и уши мои не забиты морским песком... Но лицо моё хранит память о морских водах, и такова моя природа – я всего лишь дунтосвинт...

Произнеся этот заученный текст, Пинкван вздохнул. Ещё не менее получаса, согласно традиции, ему предстояло нести всякий вздор, и лишь после этого можно было перейти к делу.

Такова традиция.

Наконец отговорив положенные по протоколу слова, Пинкван стал докладывать о выводах, которые сделал, посетив Солнечную систему:

– Юпитер – большая планета. Земляне там ни разу не появлялись, мотивируя это высокой гравитацией, однако полагаю, все дело в их лени.

– Откуда сведения о такой их позиции? Я имею в виду гравитацию и все такое, – поинтересовался сенатор от округа Болотазия.

– Я опирался на донесения сотрудников Имперской разведки. У меня не было причин не доверять им. Теперь дальше: Венера – не заселена, каналы на Марсе не достроены, диск Сатурна по-прежнему имеет небольшой люфт. Землянам ни до чего нет дела. Они нюхают клей и беспорядочно размножаются.

– Это ужасно! Какой же клей они нюхают? – крикнул с верхнего ряда сенатор от полукониальных мотофибских земель.

– Одну минуту, у меня записано... -Адмирал заглянул в записи. – Резиновый клей «Момент».

– А где, простите, его можно взять здесь, в Квакбурге?

– Сенатор Торчкван, вы задаёте вопросы не по существу! – напомнил Председатель.

– Итак, земляне ведут себя очень пассивно и не выказывают охоты куда-либо двигаться со своей планеты, однако, мне кажется, я знаю почему...

– И почему же, адмирал? – поинтересовался Председатель, старый осанистый дунтосвинт с бордовым гребнем.

– Потому что на их планете много болот, рек и озёр, населённых лягушками. Было бы глупо куда-то бежать от такого богатства...

– Да!

– Правильно!

– Теперь нам понятен их интерес! – выкрикивали сенаторы с места. Адмирал Пинкван поднял лапу, призывая всех к тишине.

– Это ещё не все новости, уважаемые сенаторы. Самым удивительным является то, что сами люди лягушками не питаются...

– Что?!!

– Как?! Почему?! – снова заволновалось собрание. Нормальному дунтосвинту трудно было представить, что можно жить рядом с озёрными лягушками и не кушать их.

– У меня вопрос, – поднял руку влиятельный сенатор округа Лубандия. – У меня вопрос, а являются ли эти земляне белковой формой жизни? Может, они какие-нибудь метаноиды или коксохимисты? Иначе почему они не кушают... э-э... озёрных лягушечек?!

– Отвечу и на этот вопрос, господа сенаторы. Судя по донесениям агентов Имперской разведки, земляне отнюдь не метаноиды. Некоторые из них кушают лягушек. Делают это, во-первых, змеи-ужи, во-вторых, птицы-цапли и, в-третьих, человеки-французы.

– То есть ужи, цапли и французы – наши прямые конкуренты? – уточнил сенатор от Лубандии.

– Так точно, господа сенаторы. Злейшие наши враги. Однако и остальные земляне не сахар – они отнимают у наших лягушечек жизненное пространство, осушая болота и строя плотины.

– Смерть им! Смерть! – закричали сенаторы.

Все повскакивали со своих мест, поднялся шум и гвалт.

– Вот именно, вот именно, господа сенаторы, – с улыбкой произнёс Пинкван, пользуясь тем, что может усилить свой голос с помощью микрофона.

Собрание немного успокоилось.

Сенатор от округа Лубандия снова подал голос:

– Каковы будут ваши рекомендации, адмирал? Что мы можем сделать, чтобы как можно скорее завоевать Землю? Вы пришли к каким-то выводам?

– Выводы, конечно, сложились, – согласился Пинкван. – И выводы вполне определённые. Благодаря деятельности Имперской разведки Земля, а в частности Россия, наполнена нашими агентами. И надо сказать, большинству из них удалось забраться на руководящие посты. Осталось совсем немного. Подвести к Земле самый большой флот Его Императорского Величества во главе с флагманом «Су-перквак» и заменить всех землян на наших дунтосвинтов или на сочувствующих нам человек.

– А что, есть и такие? – удивился один из сенаторов.

– Представьте себе, господа сенаторы, такие есть. Президент самой большой и мощной страны сочувствует дун-тосвинтской программе – об этом свидетельствуют записи бесед с ним наших агентов.

– Удивительно! Предлагаю обеспечить ему и его семье неприкосновенность, а также принять их в дунтосвинты! – восторженно воскликнул сенатор от округа Лубандия. – Надеюсь, он не уж, не цапля и не француз?

– Нет, с этим все в порядке. Он – американец.

– Но послушайте! – подал голос с верхних рядов сенатор Торчкван. – Где же в Квакбурге можно достать клей «Момент»?

– Вы уже всех достали, господин сенатор Торчкван! – рассердился Председатель. – Лучше бы попросили уважаемого докладчика адмирала Пинквана рассказать нам о России. Что это такое, адмирал?

Услышав знакомое слово, Пинкван посерьёзnel и задумчиво проговорил:

– Говорить о России можно долго, господа. Но одно могу сказать вам вполне определённо – умом Россию не, понять...

20

«Деревня Горелково», – было написано на указателе белым по синему. А чуть ниже какой-то умник нацарапал гвоздём: «Внимание, вы переходите в радиальную систему координат».

Леха остановил машину, и они с Сергеем подошли к указателю.

– Как думаешь, что такое система координат? – спросил Леха.

– Я выпить хочу, – признался Серёга.

– Серьёзно, что ли? – улыбнулся Окуркин. Он был рад, что его друг оттаял после этой хохмы с подрывом шестидесяти тонн керосина. – А у меня есть.

– Шутишь? – В глазах Тютюнина засветилась надежда на счастье.

– Не шучу – есть, но немного. Половинка чекушки. Только давай сначала в деревню наведемся.

– Зачем нам в это Горелково, Леха? Только неприятности на свою ж... голову найдём.

– Да мы ненадолго. Только заскочим, спросим у това-ща Ежова, где этот его товарищ обитает, и сразу назад – в столицу.

Серёга чувствовал, что этим все не закончится, однако мысль о половинке чекушки заслонила собой всю его природную осторожность.

Друзья вернулись в машину, и «запорожец», бодро взревев, рванул с места так, будто всю свою запорожскую жизнь мечтал попасть в деревню Горелково, расположенную, между прочим, в радиальной системе координат.

Проскакав по ухабам километра полтора, машина выкатилась на главную улицу Горелкова, которая привела на площадь с домом культуры, памятником вождю пролетариата и магазином с вывеской «Хозяйственный бутик».

– И где здесь может жить товарищ Ежов? – размышлял Сергей, вертя головой. – Нужно у кого-нибудь спросить.

– А вон, смотри, рефрижератор стоит. Сейчас подъедем и спросим.

Окуркин направил машину к длинной голубоватой фуре, на которой было написано: «Аэрофлот – первые пять минут бесплатно!»

Неожиданно внутренний голос шепнул Окуркину что-то такое, от чего он, резко повернув руль, загнал «запорожец» в запаршивевший куст сирени, откуда выскочила парочка влюблённых кошек.

– Ты чего, сдурел? – возмутился Тютюнин. – Ты бы хоть предупреждал.

– Как тут предупредишь, – развёл руками Окуркин. Он и сам не понимал, почему так поступил. – Наверное, я опасность почувствовал, – добавил он. – Давай дальше пешком...

– Ну давай пешком. – Тютюнин пожал плечами и, выбравшись из машины, сразу наступил в дерьмо. – Ой! – воскликнул он.

– Чего такое?

– Да вляпался я...

Окуркин, лучше Серёги понимавший в деревенской жизни, обежал машину кругом и, посмотрев на подошву пострадавшего, с видом знатока произнёс:

– Гусиное...

– Что гусиное?

– Как что? Гуси-гуси, га-га-га, есть хотите – да-да-да... Вспомнил? Ладно, это пустяк. Двинули дальше – не зря же мы в это Горелково припёрлись.

– А по-моему, зря... – негромко обронил Сергей, следуя за приятелем Лехой.

Перебегая от укрытия к укрытию, словно застигнутые дневным светом крысы, друзья подобрались к фуре и, забравшись под неё, стали прислушиваться к тому, что говорили стоявшие неподалёку люди.

Собственно, разговаривали только двое, а остальные лишь негромко матерились, подавая в приоткрытую створку рефрижератора какие-то ящики.

– Ну что, сколько я тебе должен?

– Шесть сотен...

– Откуда такие деньги, Лохматый? Всегда было пятьсот...

– Сегодня товар особый – ты посмотри, какие крупные. Не иначе как с самого моря прибыли.

– Мне не нужно с моря, Лохматый!

В голосе говорившего зазвучала непонятная суровость.

– Мне не нужно с моря, придурок, морские лягушки жёсткие! У них толстая кожа и грубый скелет, понял? Если они действительно морские, я у тебя ни одной не возьму!

– Да ты чего завёлся, Бруно Людвигович! Я же пошутил про море. – По интонациям Лохматого было понятно, что он струхнул. – Да не нужна мне эта лишняя сотня – пусть будет пятьсот, как обычно. Обычный товар и обычная оплата.

– Дело не деньгах, Лохматый. Я беру только речных и озёрных лягушечек. Морские мне не нужны. Морские или океанические – это другое качество.

– Да шутка это, Бруно Людвигович. Ну ты прикинь, где Горелково и где океан!

– Ладно, – после небольшой паузы ответил Бруно и отсчитал причитающиеся деньги. – Все погрузили? – спросил он у рабочих.

– Все, хозяин. Двери не закрыли – если хотите, можете взглянуть.

– Не нужно, закрывайте.

Рабочий пожал плечами и стал обходить длинную фуру. Пока он это делал, Леха и Сергей по обоюдному согласию проползли под осями грузовика и проникли в рефрижератор.

Хлопнула створка, щёлкнул замок, и стало темно.

– Ну и на хрена мы это сделали? – спросил Серёга. – Чекушку небось в «запоре» оставил?

– Нет – в кармане.

– Это хорошо. Хоть ты, Леха, остаёшься в ясном уме и здоровой памяти. Я же после этого взрыва ну ничего не соображаю.

21

Грузовик завёлся и, дёрнув фуру, начал разворачиваться.

– Давай куда-нибудь присядем, – предложил Серёга, которому не терпелось согреться, поскольку в холодильнике становилось все холоднее.

В какой-то момент на потолке загорелся светильник, озарив все вокруг мертвенным синеватым светом.

– О как, – удивился Леха и выдохнул' отчётливо видимый пар. Затем достал из кармана тёплую чекушку и протянул Серёге.

Тютюнин с радостью припал к горлышку, сделал несколько глотков и вернул бутылку Лехе.

– Здорово, я здесь даже Любу не боюсь с её скалкой.

– И с тещей... добавил Окуркин, допивая водку.

– Слушай, здесь холоднее, чем я думал.

– А ты думал?

– Некогда было... Но это ты, Леха, впутал меня в это дело.

– Давай в коробок заберёмся, – предложил Окуркин, указывая на довольно большой контейнер, из которого торчал кусок брезента. – Видишь, там что-то вроде одеяла.

Друзья приоткрыли крышку и нашли достаточно свободного места, чтобы расположиться с удобствами и завернуться в брезент.

Несмотря на то что и в контейнере было прохладно, Леха с Сергеем после чекушки задремали. Очнулись они, когда фура уже стояла и кто-то зычным голосом отдавал команды.

– Давай сюда! Только осторожнее!

Совсем рядом послышалось громкое жужжание, затем что-то скребануло по дну контейнера, он покачнулся, и Леха с Сергеем почувствовали, что куда-то движутся.

– Это нас на погрузчике подняли, – догадался Леха.

– А зачем? – спросил Сергей, который мало понимал в погрузчиках и хорошо разбирался только в ношенных кроликах.

– На склад, наверное... Или прямо в столовку.

– Где это ты видел, чтобы в столовках лягушек готовили?

– А может, это французская столовка.

– Где ты видел, чтобы у французов...

Договорить Сергей не успел, поскольку контейнер довольно бесцеремонно бросили на подставленные лаги.

Кто-то, видимо приёмщик, громко выругался по-русски, а затем перешёл на быструю неразборчивую речь, продолжая начатую по-русски тему.

Водитель погрузчика что-то лепетал в ответ на том же языке.

– Татары... – со знанием дела произнёс Леха шёпотом.

– А точно не французы? – Точно.

Вскоре препирательства закончились – на складе появились посторонние.

– Который брат, Чингисхан? – пробасил кто-то.

– Вот этот. Только я тебе не Чингисхан. Я тебе Бил-лялетдинов. Что, трудно запомнить?

– Запомнить не трудно. Произносить мудрено, – пробасил грузчик. – Давай накладную. –

И после небольшой паузы велел:

– Взяли, Вася! – И тут же:

– Ух е... ! Они туда камней, что ли, наложили?

– А по мне так все равно, – пробубнил Вася.

После недолгого покачивания, сопровождавшегося ненормативными фразами первого грузчика, контейнер снова поставили.

– . Дави на одиннадцатый.

И опять Леху с Сергеем качнуло.

– Мы в лифте, – шепнул Окуркин.

– Я понял. Как думаешь, Люба не заволнуется?

– Не заволнуется. Она же знает, что мы «запорожец» откапываем. Она и Ленке скажет, если что. За это я спокоен, к тому же нас запросто могли ребята из МЧС попросить им помочь. Могли же?

– Ну... – Серёга пожал в темноте плечами.

– Могли-могли. Даже сам ихний министр. По-моему, нормальный мужик, а? Тебе как показался?

– Да, лопат не пожалел. Только вот фамилие его никак не могу вспомнить.

– На какую букву?

– На букву «ша».

– На «ша»? Не Шумахер?

– Нет, не Шумахер.

Лифт остановился, контейнер снова подхватили.

– Скорей бы нас принесли, – прошептал Сергей. – У меня ноги затекли.

– Да скоро уже. Я запах харча чувствую. Мы уже в пищеблоке.

– Слушай, а мы ведь так и не пообедали.

– Хочешь, лягушку достану?

– Шутишь все, – обиделся Серёга.

Контейнер в очередной раз поставили, однако чей-то пронзительный голос потребовал:

– Не так! Чуть правее! Да, так и оставляйте. Свободны. Было слышно, как, тяжело топая, удалялись грузчики. А затем раздался странный звук, как будто кто-то прилип к контейнеру. Серёга и Леха вздрогнули. В стенку поскреблись, и снова послышался тот же голос:

– Мои хорошие, я чувствую вас! Я чувствую, хотя вы там и затаились – мил-лые, нежные, пит-тательные! Сейчас я должен уйти, но через минутку я вернусь... Ждите...

Неизвестное существо убежало, громко цокая каблуками, а Леха с Сергеем ещё какое-то время сидели молча, напуганные этим сладким и жутким «...пит-тательные...».

– Сматываемся, Леха, а то я боюсь чего-то...

– Ага.

Они вдвоём навалились головами на крышку, и та открылась.

– Ой, где это мы? – удивился Окуркин, оглядывая странную квадратную комнату – совершенно пустую, если не считать нескольких стульев вдоль стен и тяжёлых бархатных портьер, которыми были закрыты окна.

Друзья только-только выбрались из ящика и прикрыли за собой контейнер, как где-то за двустворчатой дверью послышался торопливый топот множества ног.

– За шторы! – указал пальцем Леха, и они с Сергеем моментально укрылись за вишнёвым бархатом.

Двери распахнулись, в помещение буквально влетели человек двадцать дядек в дорогих костюмах.

– Вот он! Какое счастье!

– Будем ли мы ждать распорядителя?

– Чего там ждать, сами разберёмся! – загалдели дядьки и, распахнув контейнер, стали выдёргивать плоские ящики, в которых лежали на колотом льду, вытянув тщедушные ножки, лягушки реки Каменки.

– Моза бутка капермунд, батистута! – воскликнул кто-то на непонятном языке.

– Что это за народы Российской Федерации? – удивился Сергей, подглядывая в щёлочку между портьерами.

– Боюсь, что это представители неизвестной нам страны, – серьёзно ответил Окуркин. – Смотри, как жрут, прямо без соли. И не варят.

– В сырых витаминов больше, – предположил Серёга.

– Прошу говорить на местных диалектах, господа! Нас могут подслушивать! – предупредил лысый дядька, и все согласно закивали, сметая лягушек и роясь в колотом льду.

В считанные минуты пиршество было закончено.

Опоздавшие дядьки перевернули несколько ящиков со льдом и, разочарованно хныча, ушли следом за теми, кому повезло больше.

В комнате стало тихо.

Сергей и Леха медленно выбрались из-за портьер, подошли к перевёрнутой таре и застыли, глядя, как растекается по красному паласу натёкшая со льда вода.

Неожиданно дверь снова распахнулась, в комнату влетел ещё один опоздавший. Вытаращив глаза на Леху с Сергеем, он протараторил:

– Бадама жума?

– Нихт жума. Нихт, – ответил, качая головой, Окуркин, и человек в дорогом костюме, поникнув головой, развернулся и вышел.

22

Покинув наконец таинственное помещение, друзья выбрались в коридор, застеленный мягкой ковровой дорожкой, ступать по которой было приятно.

На стенах красовались стилизованные под бронзу подсвечники, фарфоровые светильники и целые галереи репродукций на гастрономические темы. Это обостряло чувство голода, ведь пока что вместо еды Леха с Сергеем получали только приключения.

– Чую запах кофе и пирожных, – поднял кверху палец Окуркин.

– В смысле наверху?

– Нет, это я так настраиваюсь. У тебя деньги есть? Серёга проверил карманы брюк, мятых и порыжевших от глины, и выложил на ладонь рупь сорок три копейки мелочью.

– Немного, – вздохнул Окуркин и добавил собственные три рубля. – Может, хоть на чай хватит с сахаром.

– Уходить нужно.

– Выпьем чай и уйдём, – заверил Окуркин. – Вон я уже вижу, где здесь буфет.

Леха одёрнул стоявшую колом рубашку и смело двинулся вперёд.

– Там небось такие цены, что закачаешься. Смотри, какие здесь люстры.

– Не бойся, сейчас разберёмся.

Острый приступ голода делал Леху бесстрашным и очень уверенным в себе.

Залетев в буфет, он остановился перед стойкой и даже слегка прищурил глаза от бело-снежной наколки на голове буфетчицы.

– Присаживайтесь, господа, – с улыбкой произнесла та, указав рукой на ряд столиков с накрахмаленными скатертями.

Только за одним из них сидел посетитель. остальные были – свободны.

Окуркин, все ещё чувствуя прилив наглости, пробежал вдоль прохода и прыгнул за стол. За ним на негнущихся ногах подошёл Тютюнин.

Усевшись рядом с Лехой, он зло. прошипел:

– Нас здесь прибудут, Окуркич. Прибудут. А эти четыре рубля с копейками засунут...

– Что желаете? – проворковала неслышно подошедшая буфетчица.

– Ну... – Окуркин повертел головой и, не найдя меню, выпятил в задумчивости губы. – Ну... что-нибудь обычное.

– Стандартный набор?

– Да, стандартный набор! – обрадованно кивнул Леха. Сергей только смущённо потупился.

– Одну минуточку, – снова улыбнулась буфетчица и ушла, виляя бёдрами.

Тютюнин прикрыл глаза и вздохнул, чтобы успокоиться. Пока ничто не предвещало потрясений, однако четыре с половиной рубля – это как оскорбление. Лучше уж ничего не платить – сказать, что кошелёк дома забыл. Оставил в другом костюме.

– Ну и как вам эта байда с налогом на водокачки? – неожиданно спросил сидевший в одиночестве посетитель.

– На водокачки? – переспросил Серёга и сделал вид, что раздумывает.

– Вот-вот, и я такого же мнения. Однако будьте уверены, эти убудки из ЛКПР его протолкнут. Им уже за это заплачено...

Подошла с подносом улыбчивая буфетчица.

Две большие чашки ароматного кофе, тарелочка с пирожными и две вазочки с ванильным мороженым. Все это ана со знанием дела расставила перед Лехой и Сергеем, после чего спросила:

– На «Грушу» записывать будем?

– Что? – не понял Тютюнин.

– Я говорю, фракция какая – «Груша», СДСС?

– Мы сами по себе... – выдавил Тютюнин, уверенный, что бить их с Лехой все-таки будут.

– Ах, ну да – «Независимые», – кивнула буфетчица. – Ну, приятного вам аппетита.

Пока буфетчица шла к стойке, Леха и Сергей моментально умяли пирожные. Затем судорожно запили их кофе.

– Ты чего-нибудь понимаешь? – уголком губ спросил Серёга.

– Где мы, я пока не понял, но все, что мы едим, это халява...

– Точно?

– Будь спок. Этот счёт записали на каких-то «независимых». Нужно скорее докушивать и валить отсюда, пока эти «независимые» не припёрлись.

Быстренько покончив с мороженым, друзья поднялись со своих мест и, поблагодарив буфетчицу, выскользнули в коридор.

– Ой, Нин, это что за оборванцы такие? – спросила появившаяся из подсобки посудомойщица.

– «Независимые».

– А чего так одеты-то?

– Наверно, с регионов. Туда же деньги редко доходят. Вот и маются люди.

23

Насытившись, Тютюнин и Окуркин почувствовали себя намного лучше и теперь не спеша искали выход, попутно удивляясь богатой обстановке и суёте, которая усиливалась по мере того, как друзья спускались с этажа на этаж по широкой мраморной лестнице, застеленной все теми же неизменными ковровыми дорожками.

Фигуристые девушки с кожаными папками в руках пробежали мимо, не удостаивая Сергея и Леху даже взглядом, однако с готовностью раскланивались и начинали щебетать, как птички в весеннем лесу, завидев дядьку в костюме.

– И куда же это мы попали? – недоумевал Тютюнин.

– Может, это что-то вроде приюта для бездомных богатых? – предположил Леха.

– Богатый человек бездомным быть не может, – не согласился Сергей.

– Тогда это казино.

– Это не казино, – снова возразил Тютюнин.

– Откуда ты знаешь, что не казино? Ты там бывал?

– Не бывал, но телевизор смотреть ещё не разучился. Леха задумался. Доводы Серёги показались ему убедительными.

Друзья спустились ещё на пару этажей и вынуждены были обойти группу из двадцати штук дядек в костюмах. Один из них, самый представительный, стоял в середине и объяснял:

– Итак, пресса уже внизу – в вестибюле, поэтому давайте рассчитаемся на левый-правый.

– А мы уже рассчитались! – сказал кто-то из дядек.

– Очень хорошо. Тогда левые – на левую сторону, правые – на правую. У кого с собой бейсбольные биты, поднимите их так, чтобы я видел...

Несколько дядек подняли на головой лакированные дубины.

– Просто отлично. Теперь поднимите, у кого есть, разводные ключи...

Над головами с лёгким позвякиванием взметнулись сантехнические орудия.

– Молодцы. Теперь определимся: «правые» проводят западную линию, они должны быть вооружены бейсбольными битами, «левые» ближе к народу, у них должны быть разводные ключи. Поменяйтесь, пожалуйста...

Дядьки быстро разобрались с оружием, и самый представительный повёл их вниз.

Тютюнин и Окуркин старались не отставать, им было интересно посмотреть, чем все это кончится.

В просторном вестибюле действительно толпилось с полсотни человек с фотоаппаратами, видеокамерами и диктофонами наготове.

Две команды дядек разбежались по сторонам и с криками сошлись стенка на стенку.

– Даёшь отмену призыва в армию! – кричали одни, кроша противника бейсбольными битами.

– Земля – крестьянам! Фабрики – профсоюзам! – обороняясь, вопили другие, и все это озарялось частыми вспышками фотоаппаратуры и подсвечивалось прожекторами видеокамер.

Кто-то из представителей прессы пытался организовать прямое включение и поведать телезрителям-радиослушателям о происходящих событиях. Другие отстраненно пережёвывали какие-то листья и рисовали в блокнотах слонов.

Наконец в фотоаппаратах закончилась плёнка, в видеокамерах – батарейки, и вся аккредитованная пресса наперегонки рванула к выходу, сбивая охранников и переворачивая урны.

– Ну все, побежали зайчики мои. Сожрали, – усмехнулся дядька-руководитель. – Закончили, всем спасибо! Отправляйтесь приводить себя в порядок и постарайтесь не опоздать на заседания комитетов!

Поправляя галстуки и одёргивая пиджаки, бойцы быстро разошлись, оставив Сергея и Леху в полном недоумении.

– Ты подумай, какое кино! – покачал головой Тютю-нин.

– Ага. И жрут холодных лягушек, хотя в буфете такие пирожные...

– Это как кот Артур, которому блюда из кошачьего ресторана привозили, а он все равно жрал из помойки селёдочные головы.

Друзья пересекли вестибюль и под подозрительными взглядами широкоплечих охранников прошли через две пары дверей.

Оказавшись на парадном крыльце, они, не стовариваясь, повернулись и прочитали над входом название заведения:

«Государственная дума Российской Федерации».

Вконец ошалевшие, друзья с минуту смотрели на эту надпись, качая головами, и стали спускаться на улицу – поближе к простому народу.

Они шли и не видели, как из одного окна за ними наблюдают дядьки в костюмах.

– Значит, вот эти двое человеческих людей? – спросил один, особенно крупный экземпляр.

– Именно эти. Я заскочил в «Пункт Питания Лягушками», а там уже все съедено и только ящики перевёрнутые валяются... Я так расстроился – ужас, даже не обратил внимания, что эти двое не наши. Что они аборигены...

– Значит, они что-то видели, – произнёс крупный экземпляр. – Придётся принимать меры. Но нам не впервой.

24

Наступил понедельник. Леха, уговорив соседа – сталевара Куделина, уехал вместе с ним на его «жигулях» в Го-релково за брошенным в сирени «запорожцем».

Тютюнин же, как человек служащий, отправился на работу – в родной «Втормехпошив», где трудился четвёртый год, не прерывая рабочего стажа.

Накануне вечером он имел нелёгкий разговор с Любой, которая, учуяв запах перегара, врезала Серёге по спине скалкой и даже не зачла ему в актив, что он был почти что работником МЧС. А также лично избавил всех от этой дурацкой дачи, где все равно ничего бы не выросло, кроме какого-нибудь дерева-мутанта.

Теперь там только кратер и тишина. А трава ничего – она через год снова вырастет.

Правда, у Любы уже сформировались новые, необыкновенно смелые виды на этот котлован, и Серёга был абсолютно уверен, что тут не обошлось без интриг Олимпиады Петровны.

– А что, Серёж, сколько воды нужно, чтобы эту яму нашу, – она так и сказала нашу, – заполнить водой?

– Тебе в поллитрах посчитать или в ведёрках? – зло спросил Тютюнин.

– Я, между прочим, серьёзно говорю. Ты знаешь, почём в магазинах рыба живая?

«Вон она куда клонит!» – догадался Тютюнин.

Запершись в туалете, он представил себе заполненную водой яму – ну прямо настоящее озеро – и плот, на котором он сам стоит и забрасывает в воду удочку.

Рядом торчит тётша и, как это у неё принято, даёт ему всякие ценные указания. А озеро глубоко-о-окое. И вокруг – никого...

Дофантазировать дальше Серёге помешала постучавшая в дверь Люба. Она прервала его на самом интересном месте:

– Ты идёшь на работу или как?

– Или как... – огрызнулся Серёга. Спина после вчерашней скалки ещё побаливала, и он имел полное право обижаться.

«Ну и пускай, – размышлял он, когда уже ехал на трамвайчике в свой родной „Втормехпошив“. – И пускай бьёт. Зато я кофе с пирожным пил в Государственной думе. А Любку с её мамашей туда ни за что не допустят. Ни за что».

В трамвае Серёге наступила на ногу тётка с полной авоськой крапивы. Гражданин, которого она нечаянно ожгла через брюки, громко вскрикнул и призвал тётку «смотреть куда прёшь».

На шум явилась кондукторша и потребовала оплатить перевоз авоськи.

– Да она лёгкая! Это же трава!

– Они, может, и лёгкая, эта трава, но неудобство пассажирам доставляет, – заметила кондукторша. – Лучше оплатите провоз, а то ведь милиция насчёт травы нынче строгая.

Пыхтя от злости, перевозчица крапивы оплатила багаж и уставилась в окно. Серёге такое прилюдное восстановление справедливости пошло на пользу – настроение его улучшилось.

* * *

Соскочив на своей остановке, он резво добежал до дверей «Втормехпошива» и там Среди ставших знакомыми постоянных клиентов, увидел совершенно новое испитое лицо.

– Я первый, начальник! – подняло руку «испитое лино», демонстрируя отсутствие всех передних зубов.

– Хорошо, – машинально кивнул Леха и вошёл в здание через служебный ход.

– Привет, Серёга, – сказал дизайнер Турбинов, человек талантливый, но до конца не оценённый. – Семь рублей тридцать две копейки не подбросишь?

– Ещё же только утро, Турбинов!

– Если бы ты знал, Серёга, как долго я ждал этого самого утра.

На лице Турбинова отразилось такое страдание, что Серёга дал ему десять рублей. Разумеется, с возвратом. Все, что было меньше пятидесяти рублей, дизайнер отдавал исправно. Большие же суммы иногда забывались им, но не потому, что Турбинов был нечестным, – нет, просто тяжёлым похмельным утром его ослабленный мозг отказывался выполнять слишком сложные вычисления.

– Десять рублей – я помню, – словно напоминая самому себе, произнёс дизайнер и, пропустив Тютюнина по коридору, резво выбежал на улицу.

«Что-то и мне уже выпить хочется», – отметил про себя Тютюнин. Он был не прочь гульнуть, и гульнуть основательно, не страшась Любиной скалки, однако наводку нужны были деньги, а укрывать деньги от жены Сергей не имел привычки.

Впрочем, это распространялось только на зарплату. В прежние времена, когда Тютюнин и Окуркин имели доход от сбора пивных банок под стадионом, ему хватало на хорошую водку, но теперь на стадионе втихую выстроили жилой комплекс, и дополнительных доходов не стало.

Ещё, правда, оставался огромный запас спиртовых настоек, но пить их было опасно. Именно из-за них все прошлое лето Сергей с Лехой провели в каких-то параллельных мирах, то и дело сталкиваясь с драконами, боевыми свиньями, а также с технологическими гномами, которые почему-то называли себя тычкамими.

Не успел Сергей открыть дверь в приёмку, как в коридор из бухгалтерии выпрыгнул Фригидин, который во «Втор-мехпошиве» занимался сведением дебета с кредитом.

Весь прошлый год Фригидин воровал из тютюнинской тумбочки сахар, однако после двух сеансов терапии, во время которых несчастному бухгалтеру пришлось съесть три килограмма сахара, набеги на Серегину тумбочку прекратились.

Внешне Фригидин старался казаться дружелюбным, однако Серёга чувствовал, что бухгалтер только ищет случая, чтобы провести против него настоящую диверсию.

– Вы слышали, Сергей, на нашего директора наехали... – сияя свой подлой мордочкой, сообщил Фригидин. – И не кто-нибудь, а налоговая инспекция... Я слышал слова угроз и анти-семитские выкрики...

– Какие выкрики? – не понял Тютюнин.

– Ну, против этих... пархомчиков. – Фригидин пошевелил своими жёлтыми пальцами, словно это должно было объяснить недостающие детали... – Вы должны быть в курсе, Сергей, вы же простой человек. От сохи, так сказать...

– Что ты этим хочешь сказать, ты, скрепка ржавая?

Сергей шагнул к Фригидину, тот спешно отступил к своей двери:

– Ничего личного, Сергей. Ничего личного. Просто я, если вам интересно, произошёл из интеллигентной семьи .потомственных управдомов.

Дальше по коридору громко хлопнула дверь, и навстречу Тютюнину и Фригидину торопливо зашагал молодой человек в какой-то странной форме – то ли итальянского карабинера, то ли офицера вермахта образца 1942 года. Сергей видел такую в кино.

Пробежав до выходной двери, офицер вермахта неожиданно повернулся и, ткнув пальцами в Тютюнина и Фри-гидина, крикнул:

– Ну, жида, дойдёт и до вас очередь! Не хотите платить, значит, придётся расплачиваться!

– Вот! Что я вам говорил! – злорадно произнёс Фри-гидин, – Сбежит наш Борис Львович в Израиль. Попомните мои слова.

– Ты что, придурок, мы же без работы останемся!

– Ну зачем же так сразу. Борис Львович поставит управлять «Втормехпошивом» опытного менеджера.

С этими словами Фригидин приосанился и расправил складки на чернильного цвета нарукавниках.

Бесцеремонно отпихнув бухгалтера, Сергей отправился проведать директора.

В приёмной было пусто. Секретарша Елена Васильевна, разведённая дама после сорока с ребёнком четырнадцати лет, приходила на работу ближе к обеду.

Тютюнин постучал и, не дождавшись ответа, вошёл в кабинет.

Штерн сидел, уставившись в окно.

– Борис Львович, вы как?

– А, Серёжа! – словно очнулся директор. – Вы, наверно, слышали выкрики этого молококоса?

– Что ему нужно было?

– Денег, Серёжа. Что им ещё нужно? Денег, конечно.

– И сколько?

– Пять тысяч долларов... Для начала. – Штерн грустно улыбнулся. – Вы представляете, Серёжа, он кричал мне «жид», думая, что этим поможет делу.

– Вы обиделись?

– Я обиделся? Я обиделся бы на себя, если б отдал ему деньги. Этому молококососу... И знаете что, Сергей, давайте я подниму вам жалование на двести рублей. Или что там двести – добавим все триста!

– Ой! Спасибо, Борис Львович! – приятно обрадовался Тютюнин. – Тогда я пошёл работать, Борис Львович.

– Идите, Сергей, работайте.

Тютюнин выскочил в приёмную и, толкнув дверь в коридор, сшиб любопытного Фригидина, который стоял, прижавшись ухом к двери.

Несчастный бухгалтер упал возле противоположной стены и дико заорал, когда увидел, что Тютюнин двигается на него. Он был уверен, что его будут добивать.

– Чего орёшь, глупый! Мне директор зарплату повысил, представляешь?

Сергей рывком поднял Фригидина с пола и, поставив на ноги, побежал к себе в приёмку – отрабатывать оказанное доверие.

– Вот так. Одним все, а другим ничего, – горько произнёс Фригидин, глядя вслед счастливому Серёге.

25

Открыв своим ключом дверь приёмочного помещения, Сергей с удивлением обнаружил там младшего приёмщика Кузьмича.

Тот сидел на прилавке в позе лотоса, а на полу валялись два пустых баллона из-под дихлофоса.

Глаза Кузьмича были закрыты. На лице отражалось полное спокойствие и безмятежность.

– Кузьмич, ты что, не уходил домой? Младший приёмщик приоткрыл один глаз:

– Дом там, где хорошо. Мне хорошо – здесь.

– А дихлофос? Куда подевались два полных баллона? Я же тебе их только вчера выдал!

Кузьмич вздохнул, открыл оба глаза и, выйдя из позы лотоса, свесил ноги с прилавка.

– Что ты об этих мелочах печёшься, Серёга? Знаешь ли ты, что, если бы моль по-настоящему понимала дихло-фос, она бы от него не дохла, а наоборот?

– Что наоборот?

– Она бы чувствовала себя здесь хорошо. То есть как дома.

– Если моль будет здесь чувствовать себя как дома, мы останемся без сданной продукции.

Куда дихлофос подевался? Опять все на энтропию свалишь?

Тютюнин спихнул Кузьмича с прилавка и пошёл открывать павильон.

Многочисленные клиенты уже скреблись у порога, желая поскорее сдать добытые на свалках меха.

– Здравствуй, Серёжа! Как выходные? – засыпали Тю-тюнина вопросами знакомые старушки.

– И вам – здравствуйте. Занимайте места в очереди – сейчас начнём работать.

– Э-э, бабки, я первый! – прохрипел субъект с испитым лицом.

– Да уж помним-помним! – отозвались старушки, отодвигаясь от неряшливого бомжа.

Протолкнувшись к самому прилавку, «испитое лицо» обрушило на него какую-то то ли сумку, то ли мешок, в котором, судя по звуку, перекатывались бильярдные шары.

– Вот, хозяин, принимай товар.

– Мы сумки не берём, – покачал головой Тютюнин. Ему часто случалось отказывать собирателям картона, природного гипса, веточек чернозадника и огуречной копры, которые почему-то были уверены, что Тютюнин отвалит за эти богатства кучу денег.

– Мы сумки не берём! – повторил Сергей, поскольку «испитое лицо», казалось, совершенно не понимает, что ему говорят.

– Это не сумка, хозяин. Это котик. Морской котик.

– Мы животных не принимаем.

– О чем ты, хозяин? – На «испитом лице» появилось выражение крайнего удивления. – Это не сумка, а мех морского котика.

– Мех котика? А чего в этом мехе гремит? Камней насыпал для весу?

– Камней? – переспросил бомж и, сунув руку в проеденную крысами дыру, вытащил огромный мосол, явно превышавший размерами целого морского котика. – Это не камни, хозяин, это кости котика...

– То, что ты мне принёс, это никакой не морской котик. Это шкура коровы.

– Да клянусь, хозяин, – затрясло синими губами «испитое лицо», ударяя себя кулаком в грудь. – Я этого котика сам загарпунил на этом... на Байкале.

– Это не котик, – произнёс молчавший дотоле Кузьмич. Он стоял позади Серёги, на лице его была написана все та же безмятежность. – Это не котик, это корова по кличке Клара, которая умерла от ящура в тысяча девятьсот тридцать восьмом году и вчера была извлечена из могильника.

- Ну что, слышал? – усмехнулся Серёга. Он обернулся к Кузьмичу, – А откуда ты это знаешь?
- Мне открылся информационный канал., – невозмутимо ответил Кузьмич.
- Понятно... А ты, друг, забирай свою морскую корову и закопай её обратно.
- Ну дай хоть трёшку, хозяин! – зашамкало «испитое лицо».
- Пошёл, пошёл отсюда, бомжара! – возмутились старушки.
- А я, между прочим, не бомжара.
- А кто же ты?
- Я, между прочим, диггер.

26

Пока Тютюнин бился на личном трудовом фронте, за ним уже с самого утра велась слежка.

Двое дядек в дорогих костюмах вели скромного приёмщика от дома до трамвайной остановки, а далее продолжили преследование на двух чёрных «БМВ» с затемнёнными стёклами.

Тютюнин находился в середине вагона, и кто там едет за трамваем, ему видно не было, зато другие пассажиры живо обсуждали этот странный кортеж и огромные, похожие на навозных жуков машины.

Сопроводив Сергея до места его службы, дядьки в костюмах заехали во двор и, оставив машины, подошли к дверям «Втормехпошива», чтобы выяснить, что это за заведение.

Постояв минут двадцать, они дождались, пока выйдет первый посетитель – им оказался бомж-диггер со шкурой коровы.

– Гражданин, можно вас на минуточку? – спросил один дядька.

– Я, что ли? – не понял бомж.

– Да-да, вы.

– А вы меня это... не заарестуете?

– Нет, мы только хотели у вас спросить – что это там написано?

– Где? – Бомж завертел головой.

– Подойдите, пожалуйста, ближе. – Дядьки начали терять терпение. – Вы вообще-то выпить хотите?

– Я не вообще-то... – Бомж дёрнул кадыком. – Я всегда хочу выпить.

– Ну вот и хорошо, ответите на вопрос, получите на водку или что вы там пьёте...

– Все пью, – поспешил заверить владелец коровьей шкуры и, соблазнённый скорой опохмелкой, подошёл ближе.

– На двери написано «Втормехпошив», что это означает? – спросил один дядька, держа перед носом бомжа сто рублей.

– Что означает? – Владелец шкуры шмыгнул носом. – Означает, что морских котиков не принимают. Меха не тот. Лысый мех.

Дядьки переглянулись. Второй, тот, что помордастее, сказал:

– Вы должны доверять нам, любезнейший. Вы должны доверять нам, ведь мы слуги народа. Ваши слуги, ведь вы, судя по одежде, – бомж?

– Нет, судя по одежде, я диггер. От меня и пахнет, как от диггера.

– Ну хорошо, мы дадим тебе целых двести рублей за информацию! – стал выходить из себя мордастый. – Что означает это слово – «Втормехпошив»?! Отвечать, свинья!

– Прощения прошу, гражданин начальник, но я не знаю... Падлой буду!

Дядьки снова переглянулись. Мордастый пожал плечами и махнул рукой, а первый сунул сто рублей в распахнутый рот бомжа-диггера и коротко бросил:

– Вали отсюда.

Бомж моментально исчез.

Дядьки вздохнули и, опершись о сытые бока чёрных «БМВ», стали ждать.

Вскоре из дверей приёмки вышла пенсионерка. Она радостно пересчитала десятирублевки и бережно уложила их в потёртый ридикюль.

– Порезче с ней. По-простому, – порекомендовал мордастый.

– Эй, бабулька! Хочешь заработать на водку?

– Что? – спросила пенсионерка, скользя взглядом по лицам дядек, затем по их костюмам и лакированным авто.

– Бабок на водяру срубить не желаешь? Бабки для бабки! По-моему, звучит неплохо, а? – Первый дядька повернулся к более мордастому, тот одобрительно хмыкнул.

– А за что платите? – осторожно спросила старушка, ощупывая в нагрудном кармане пиджачка старый партбилет.

– За информацию, бабуля. За информацию.

– Сколько денег?

– Пятьсот рублей.

– Годится, – согласилась пенсионерка и оглянулась на дверь приёмки. – Спрашивайте...

– Что такое «Втормехпошив»?

– Там старье принимают.

– Чего принимают?

– Старый мех. Кролик, бобр, пыжик, шиншилла...

– Постой, не гони.

Первый дядька достал блокнот с крышками из тиснёной кожи и, сверкнув золочёным «паркером», стал записывать названия.

– А вы, простите, кто такие будете? Не из органов? – поинтересовалась старушка.

– Бери выше, бабулька, – с усмешкой сказал первый дядька, пряча блокнот. – Мы власть законодательная. Слуги народа и его полномочные представители.

– То есть... депутаты? – не веря своей удаче, уточнила пенсионерка.

– Ну дык, ептыть, не видно, что ли? Видишь какие машины? А номера с флагом?

Старушка кивнула, чему-то улыбаясь.

– А какие-нибудь документы у вас есть? Ну... – Старушка наморщила лоб, вспоминая нужное слово. – Ксивняк депутатский.

– Во, протащись, старая, – хохотнул первый дядька, показывая удостоверение.

В этот момент дверь приёмки распахнулась и во двор высыпало ещё штук семнадцать пенсионеров.

– Отряд – ко мне! – неожиданно резко крикнула старушка, которую расспрашивали дядьки.

Они даже вздрогнули от такого её странного поведения.

Пенсионерки с громким топотом прибежали на зов и молча окружили дядек.

– Это депутаты, – произнесла пенсионерка таким тоном, будто говорила: приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Старушки как по команде достали из котомок верёвочки с привязанными к ним гайками на пятьдесят шесть.

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... По немецко-фашистским оккупантам... Огонь!

Весть о том, что во дворе «Втормехпошива» бьют депутатов, быстро облетела всю округу. Люди бросали смотреть телевизор, прерывали обед, выбегали из химчисток и наполовину выбритыми и покрашенными выскакивали из парикмахерских.

– . Где? Где бьют депутатов? – спрашивали они друг друга.

– Да вон же, вон там, где дым!

И люди с просветлёнными лицами мчались туда, где дым, чтобы врезать палкой, наддать ногой или бросить кирпичом.

Преследуемые разъярённой толпой, дядьки в изорванных костюмах бежали от подъезда к подъезду и под градом оскорблений и кирпичных обломков надрывно кричали в мобильные телефоны:

– Немедленно! Немедленно ОМОН сюда! ОМОН и все такое прочее! Мы несём жестокие потери!

– Да кто же на вас напал?! Кто посмел?!

- Стремительные старушки!
- И каким силами?
- Примерно эскадрон! Эскадрон стремительных старушек!

Наконец, загнанные разъярённым народом, народные избранники забаррикадировались на крыше пятиэтажки и стали ждать эвакуации вертолётom.

А во дворе перед «Втормехпошивом» жирным дымным пламенем горели два «БМВ». Они чадили, словно попавшие в ловушку танки, получившие в борт «коктейль Молотова».

27

Когда в приёмке схлынул первый наплыв клиентов, Тютюнин решил передохнуть.

Он присел на низенький табурет и, проведя рукой по шершавой поверхности побитого молью каракуля, вздохнул. Он снова переплатил за этот воротник старушке с трясущимися руками. Иногда он переплачивал – не дать ничего было выше его сил.

– Что у тебя за канал открылся, Кузьмич? – спросил он, продолжая ощупывать испорченный каракуль.

– Не знаю, но такое иногда случается.

– И чего он тебе сообщает, этот канал?

– По-разному. Иногда что было, иногда – что будет.

– И все это из-за дихлофоса?

– Это тоже по-разному. Бывает, от дихлофоса, а бывает, и от крысиного яда.

– Ты и яд крысиный потребляешь? поразился Тю-тюнин, всем телом поворачиваясь к Кузьмичу.

– Дело не в том, что потребляешь, а как на это настраиваешься.

– А водку что, совсем не пьёшь?

– Да как же её не пить, водку-то... -Кузьмич вздохнул. – Только зашил я – «торпеда» у меня вшита.

– Вон оно что, – усмехнулся Тютюнин. – Ты, значит, крысиным ядом «торпеду» обманываешь.

Кузьмич ничего не ответил, только пригладил грязной рукой всклокоченные волосы.

– Ладно, давай посмотри в своём канале, что меня ожидает.

Серёга сел ровнее и положил руки на колени.

Он просидел так с минуту, однако Кузьмич молчал.

– Эй, ну ты чего? Я же твой начальник как-никак. Говори, чего в канале передают?

– Что-то связанное с яйцами... – нехотя ответил Кузьмич.

– С яйцами? С какими? – С твоими.

– С моими? – подпрыгнул Серёга. – А чего с ними такое может случиться? А?

– Я не знаю.

– Нет, уж ты, пожалуйста, говори, – поднимаясь с табурета, настаивал Серёга. – Яйца это... это тебе не руки-ноги... это же совсем другое. Что с ними, говори!

– Они... Они большие. Я вижу их большими. Серёга тут же проверил рукой – на ощупь. Пока ничто не предвещало обещанных Кузьмичом ужасных событий. Размеры находились в пределах нормы.

– И какими же большими ты их видишь, Кузьмич? – дрожащим голосом поинтересовался Серёга.

– Примерно вот такими, – показал младший приёмщик. Сергей внутренне ужаснулся. Такими большими они быть никак не могли. Такого размера в природе просто не существовало.

– Таких не бывает, – сдавленно произнёс Тютюнин. Почему-то он сразу поверил Кузьмичу и тому, что передавали по его информационному каналу. Этот канал Тютюнин представлял себе в виде новостной программы телевидения с участием симпатичной ведущей.

Серёга отчётливо видел, как она сообщает о надвигающейся беде, а затем прямо на всю страну показывает руками, словно рыбак, – вот, дескать, какие огромные.

От этого видения Тютюнина прошиб пот. Что он скажет Любе? Как объяснит?

В коридоре послышался шум, и в приёмку, едва не сорвав с петель дверь, вломился огромный и радостный Турбинов.

По его лицу было видно, что взятые у Тютюнина десять рублей пошли ему на пользу.

– Вы видели, какая там инсталляция, парни?!

– Чего? – не понял Серёга.

– Два «БМВ» горят во дворе! Самый крутой перфоманс! Это сколько же денег нужно было на ветер выбросить, а? Не знаю, кто маэстро, но заранее его уважаю! Два «бим-мера» – в дым. Убытков на двести тыщ баксов! Уважаю!

Турбинов на радостях поцеловал Кузьмича и выскочил в коридор, спеша донести эту радость до всех.

Серёга с Кузьмичом вышли во двор.

Там уже вовсю орудовали пожарные. Они поливали пеной остовы законодательной власти и негромко матерились.

Над крышами стрекотал вертолёт, снимая с антенн каких-то людей.

Серёга сразу вспомнил взрыв на даче и министра МЧС, однако опять запомнил его фамилию.

28

Несмотря на общую напряжённость, рабочий день закончился хорошо.

Сергей успел принять ещё восемь кроличьих шапок, хвост волка и полтора горных козла в отличном состоянии. Последнее приобретение его особенно порадовало – ведь по новым правилам за приличный мех Тютюнину полагались проценты.

Потом Серёга вспомнил о повышенной зарплате, и это окончательно привело его в безоблачное настроение.

Добравшись до трамвайной остановки, он встал под прозрачным козырьком и так счастливо улыбался всем прохожим, что те заподозрили в нем беглого сумасшедшего.

Подожёл трамвай, и после некоторой борьбы Серёге досталось отличное стоячее место на задней площадке – прямо перед большим окном.

Едва вагон тронулся, как к нему сзади пристроились два огромных чёрных «БМВ» с затемнёнными стёклами.

Все ещё находясь в хорошем настроении, Тютюнин помахал им рукой, что вызвало их неожиданную реакцию.

Шедший первым автомобиль резко затормозил, как будто натолкнулся на непреодолимую стену, а второй «члено-воз» врезался в первый, поскольку не ожидал таких манёвров от своего коллеги.

Серёга пожал плечами и отвернулся.

Ему было интереснее смотреть на молоденькую девушку, которая везла в пакете бутылок двадцать водки.

«Наверное, к выпускному готовятся», – подумал Тютюнин.

Месяц май заканчивался, а значит, скоро в школах города ожидался Последний звонок.

Вспоминая свой собственный выпускной бал, Серёга едва не проехал остановку. Он даже не заметил, где вышла девушка с водкой.

Спрыгнув с трамвайной подножки, Серёга чуть не наступил на бультерьера Дросселя, на котором прошлым летом они с Лехой испытывали фильтрованную настойку. Тогда Дроссель вместе с Тютюниным и Окуркиным побывал в неведомой стране, где им всем троим пришлось весьма несладко.

Дроссель из той странной командировки привёз кожаный собачий пиджак, который носил до сих пор, поскольку никто не знал, как его снимать.

Впрочем, вскоре и хозяин, и все, кто знал Дросселя, привыкли к его новому облику и уже не представляли собаку без этого пиджака.

Перебежав дорогу, Тютюнин подошёл к киоску и остановился напротив витрины, с тоской глядя на ряды пивных бутылок.

Выпить хотелось все сильнее, однако можно было запросто схлопотать по лбу скалкой. И было бы за что – за пиво! Тем более в киоске было лишь тёмное, а его Тютюнин, хоть и случалось ему пить разную гадость, на дух не переносил.

Люба оказалась дома, и Тютюнин мысленно похвалил себя за то, что не стал пить пиво.

– Привет, Серёж.

– Здравствуй. Ты чего так рано?

– Дел много. Я ещё в обед на работе отпросилась и к маме съездила... Она только что, ушла – вы в подъезде не встретились?

– Обошлось, – усмехнулся Серёга.

В визитах Олимпиады Петровны была своя прелесть, поскольку она с маниакальной настойчивостью воровала в столовой продукты и таскала их Любе. Она бы с удовольствием носила их куда-то ещё, однако Люба была её единственным ребёнком.

Чтобы разорвать неудавшийся, по мнению Олимпиады, брак дочери, она прилагала массу усилий, однако Люба была слишком ленива. К тому же она точно знала, что если Тютюнин и променяет её на что-то, то это будет только водка.

– Чего мамаша-то привезла? – спросил Сергей как бы невзначай.

– Детские творожки и заливную рыбу...

– Понятно-о, – кисло протянул Серёга, заходя на кухню.

Рыбу он не любил, не говоря уж о творожках. Однако помимо рыбы в холодильнике он заметил и постороннюю сумку типа авоська, которая стояла на табуретке у стены, прикрытая старым пуховым платком.

Ожидая обнаружить в авоське что-то особенное, Сергей сбросил платок, и... в его голове пронеслись слова Кузьмича, обещавшего аномалию с яйцами.

– Так вон оно – вот о чем говорилось в информационном канале, – произнёс Тютюнин и несмело до них до-тронулся. На ощупь они оказались гладкими и чуть-чуть тёплыми.

– Ну что, уже познакомились? – бодро произнесла Люба, заходя на кухню.

– Что это?

– Это яйца.

– Вижу что яйца. Чьи?

– Мама принесла.

– В зоопарке, что ли, спёрла? – усмехнулся Тютюнин, испытывая, впрочем, внутреннее ликование. Он с детских лет мечтал попробовать страусиные яйца, а тут – целых два.

– Не спёрла, а достала. Это яйца фламингов.

– Каких ещё фламингов?

– Ну из песни – помнишь? Розовый фламинга-а-а, дитя заката-а-а... – заголосила Люба. Снизу в пол застучали соседи.

– А зачем нам это самое... фламинги эти?

– Так у нас же теперь яма своя есть, глупый! Мы же без пяти минут пруд овл ад ельцы.

– А воду откуда взять, Люба? Из Каменки на Лехином «запорожце» возить будем?

– А долго надо возить?

– Всю жизнь! – выкрикнул Сергей. Он понял, что Люба не исключала и этого варианта.

Снова посмотрев на яйца, он постучал по толстой скорлупе одного из них и покачал головой. Такие яйца внушали уважение.

– Чего с ними делать-то будем, прудовладелица Люба?

– Высиживать...

– Чего? – Тютюнину показалось, что он ослышался.

– Да-да, высиживать. Если бы сейчас отопительный сезон был, мы бы их к батарее положили, а раз сезона нет, придётся самим. Наша человеческая температура им самая нужная.

– И как ты это себе представляешь, а?

– По очереди будем носить.

– Где носить, в карманах?

– Можно и в карманах, – сразу согласилась Люба. – О! Да ты молодец, Серёжа! Если их сначала в шерстяные варежки засунуть, а потом – в карман! Это же как хорошо будет! И тепло, и руки свободные...

Люба посмотрела на свои руки и добавила:

– Ты будешь носить первым. Прямо на работу с ними, с яйцами, и пойдёшь.

– Да ты что, меня же люди засмеют!

– А чего же тут смешного, ты же не утков высиживаешь, а фламингов.

На кухню зашёл домашний кот Афоня. Он внимательно посмотрел сначала на Любу, потом на Серёгу и улёгся возле двери холодильника, скромно намекая на участие в ужине.

– Ладно, – обречённо махнул рукой Серёга. – Доставай заливную рыбу.

Довольная, что все так хорошо сладилось, Люба захлопотала с ужином, быстро вымётывая из холодильника то, что мама принесла сегодня, вчера, позавчера и ещё неделю назад. Олимпиада Петровна обладала рекордной грузоподъёмностью, и всю её добычу Люба с Сергеем не могли съесть. Поэтому то, что хранилось больше двух недель, относилось Окуркиным.

– Одного я не пойму, Люба, – сказал Сергей, угощая . Афоню щучьим хвостом. – Куда мы твоих фламигов девать будем, если воды в яму не накачаем. А мы её не накачаем, поскольку неоткуда...

– Мама говорит, что лето дождливым будет. Вода сама нальётся.

– А если не будет дождливым лето?

– Тогда перезимуют у нас, а весной снег в яме растает и пруд все равно получится.

Тютюнин покачал головой и сплюнул косточку. По всему выходило, что ему придётся зимовать с двумя фламин-гами.

«А тогда я их тёще сплаваю. Если уж она подбросила мне эти яйца, а она их специально подбросила – тут других мнений нету, пусть воспитывает этих подкидышей. Пернатых друзей, блин».

29

Когда возвращавшийся с работы Тютюнин вошёл в свой подъезд, человек, который читал «СТЫД-инфо», сидя в песочнице на пластмассовом зайце, поднялся, одёрнул тысячедолларовый пиджак и направился следом за ним.

Из двух припаркованных на обочине улицы «БМВ» выскочила ещё пара субъектов и потрусила мимо кутивших косяк школьников – прикрывать основного агента.

Втроем они втиснулись в узкий лифт и, нажав кнопку седьмого этажа, стали подниматься.

Совершенно неожиданно лифт остановился на четвёртом этаже.

Двери начали открываться, но старший агент снова нажал цифру «семь», полагая, что лифт слегка испортился. Пока створки закрывались, в лифт успела заглянуть бодрая старуха, которая сказала:

– Ну-ну, голубчики...

Кабина закрылась и пошла вверх, но каково же было удивление агентов, когда на площадке седьмого этажа они увидели ту же старуху, которая встретила их радостно, будто старых знакомых.

– Здорово, служба! Откуда будете? ЦРУ, ФБР, Моссад? Ми-5, Сигуранца, Штази?

– Мы... народные избранники, – после секундного замешательства ответил старший группы.

– Ну, тогда будем знакомы – старуха Изергиль собственной персоной.

Старший выразительно повёл бровями, рука одного из агентов метнулась к внутреннему карману.

– Забыла предупредить... – буркнула старушка, в руке которой откуда-то взялся парабеллум. – Ну, забыла, что со старухи взять... Стреляю хорошо и... – тут она улыбнулась, – с удовольствием. Можете в этом лифте остаться, а можете со мной поговорить... Что выбираете?

– Вообще-то... – старший не отрываясь смотрел в чёрный зрачок парабеллума и судорожно сглатывал, – вообще-то можно и поговорить.

– Ну, тогда выходите... Только никаких движений лишних. Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте – приравнивается к побегу... Фирштейн, камрады?

– Я-я, фирштейн их.

– Ну, тогда выходи по одному и – вниз по лестнице. Там возле мусоропровода и потолкуем.

Старуха убрала оружие, однако ни у кого из новых знакомых не возникало желания с ней посоревноваться. Слишком уж убедительно она выглядела.

Возле мусоропровода старушенция остановилась и, улыбаясь трём «народным избранникам», представилась:

– Живолупова моя фамилия... О вас мне знать ничего не нужно. В органах я с самого их образования, но сейчас осталась без работы, а пенсия – не пенсия, одно название.

Живолупова вздохнула. Ещё только прошлым летом она работала на ЦРУ и получала поддержку в твёрдой валюте, но затем Серёжка Тютюнин с Лешкой Окуркиным извели всю агентуру американов и Живолупова осталась на бобах.

Почти все снаряжение пришлось продать, в том числе и спутниковый телефон, который хитрые американцы отключили, как только удрали к себе за океан.

Особенно было жалко стреляющие ботинки. Живолупова хотело было оставить их себе, однако ей предложили хорошую цену, и она не устояла.

– Итак, жду встречных предложений. Вам, насколько я поняла, Серёжка Тютюнин нужен и, наверное, его дружок – Окуркин Лешка. Уж если один чего набедокурил, второй всегда где-то рядом околачивался... Ну, я угадала?

– Угадали, мамаша, – кивнул старший. – Судя по всему, вы владеете информацией.

– Владею, милый, владею. И могу вам её продать, да ещё сделать вашу работу тихо и профессионально, не то что вы – трое шкафов ореховых. Деньги-доллары у вас водятся?

– Деньги водятся. И доллары, и какие угодно, – усмехнулся старший, понемногу приходя в себя. – Только не испугаетесь ли вы с нами работать, мамаша?

– А чего мне пугаться? Мне пугаться уже поздно, милоч, мне самореализоваться надо, пока не поздно.

– А как вам такое?

Старший ослабил гипнотическое воздействие и на несколько мгновений превратился в натурального дунтосвин-та – покрытого зеленой шкурой, с кожистым гребнем на голове.

– Что скажешь, старушка? – прошамкало чудовище, мелькая раздвоенным змеиным языком.

– Что сказать? – Живолупова пожала плечами. – Не страшнее крокодила Гены. Хотя за столом, конечно, лучше так не показываться. Неприлично это, да и на улице – мальчишки могут запросто из рогатки в глаз закатать. Не советую я тебе на улице такие фокусы показывать – пострадать можешь. Народ-то у нас ужас какой дикий. Дикий и необразованный.

Старший был несколько озадачен такими советами. Вернув себе человеческий облик, он спросил:

– А как насчёт того, что мы хотим сделать из вашей планеты пастбище для лягушек, а? Поработить человечество и избавиться от большей его части, а? Будешь ты помогать нам после этого?

– А чего ж не помочь «крокодилам генам», тем более если жалованье исправно платить будете.

– Но мы ведь поработим человечество, понимаешь, старушка?! – не сдавался старший.

– Ой, милый, да я на своём веку таких уже не одного повидала. Тоже кричали: поработим, уничтожим... Ладно болтать-то, берете меня на службу иль нет?

– Берём, – после недолгого раздумья согласился старший.

– Тогда авансик будьте добры.

– Сто долларов вас устроит?

– Ой, милый, да меня и триста устроит.

Старший не говоря ни слова отдал деньги и уже собрался было уводить своих людей, однако старуха Живолупова снова их остановила:

– Эй, а задание дать? Задачу поставить?

– Ах да, – вспомнил старший. – Ну, одним словом... – Выяснить связи, знакомства...

– Да...

– Распорядок дня, место работы, любимые телепередачи...

– Да-да, пожалуйста, – обрадованно закивал старший.

– Может, привычки, вкусы, наклонности?

– Было бы очень здорово.

– Политические пристрастия, половая ориентация?

– Вы и это знаете? – поразился старший группы, а двое его агентов просто рты поразевали и смотрели на Живо-лупову, как на заезжую кинозвезду.

– Поразительно, такая дряхлая стару... простите... я хотел сказать... Одним словом, мы пошли домой.

– Домой они пошли! – сплюнула на пол вышедшая из себя Живолупова. – Отчёт, наверное, потребовать нужно с агента и указать способ связи! Я не понимаю, вас с какой деревни сюда присылают?! Смотрите там во дворе, чтобы вас шпана не побила.

30

Наевшись заливной рыбы, Сергей посидел минут двадцать перед телевизором, а потом сказал Любе, что хочет сходить к Окуркину.

– Это для чего же? – подозрительно спросила та.

– Хочу узнать, как у него дела с «запорожцем». Мы ведь его откапывали, ты же знаешь.

– Вон телефон, звони и спрашивай! Яйца нужно высиживать, а не по приятелям шастать.

– Вот ты пока и высиживай, а я их завтра на работу заберу, – скороговоркой пообещал Серега уже из прихожей.

– Точно заберёшь? – спросила Люба, бросая рукоделие и вскакивая с кресла.

– Слово Тютюнина – кремень! – пообещал Серёга и хлопнул дверью.

Выскочив на лестничную площадку, он спугнул неизвестное существо, очень напоминавшее старуху Живолу-пову.

В событиях прошлого лета она играла не последнюю роль и даже наблюдала за окнами Тютюниных с башенного крана соседней стройки.

Спустившись на лифте, Серёга вышел во двор и вдохнул воздух свободы. Жена Люба осталась в квартире, и это было уже немало.

Серёга поздоровался во дворе с соседями, прытко добежал до Лехино подьезда и через минуту уже давил на кнопку звонка окуркинской квартиры.

Дверь открыл вечно бодрый Леха:

– О! Здорово! Долго жить будешь!

– Чего, вспоминал меня?

– Да нет, просто так. Заходи. Тютюнин вошёл.

Супруга Окуркина Лена сидела на диване, уткнувшись во вторую книгу своей жизни, роман Факунина «Бесстыжая Марфа».

«Тимур и его команда», которой Лена отдала лучшие годы, пылился на книжной полке вместе с остальными двумя книжками семейной библиотеки.

– А-а, Серёга? – отвлеклась Лена и кивнула. – На разведку пришёл?

– На какую разведку? – Серёга сделал вид, что не понимает.

– Да ладно, расслабься, но помни, что я все слышу и вижу... – С этими словами Лена снова погрузилась в чтение.

– Пошли на кухню, – подтолкнул приятеля Леха. Стараясь не шуметь, они оставили Лену одну.

– Садись. Конфеток хочешь? Чайку? – предложил Леха.

– Да нет, не хочу, – отмахнулся Тютюнин. Он тяжело вздохнул. – Ты галерею-то спас?

– Ну ты спрашиваешь. На землю, что ли, выливать буду? Нет, все спас, до последней трехлитровки. Ты не представляешь, Серёга, сколько всего получилось.

– И сколько?

– Четыреста шестнадцать с половиной литров...

– Да ты что?! – Тютюнин даже поднялся с табуретки и почесал затылок, так поразила его эта круглая цифра – четыреста шестнадцать с половиной. – И где же все это находится?

Окуркин оглянулся на кухонную дверь, затем приблизил лицо к Тютюнину и прошептал: – Я в гараже погреб вырыл. А Ленке сказал, что яму расширяю. Сказал, чтобы в полный рост ходить – мосты менять и подвеску...

– Мосты и подвеску, – как зачарованный повторил Серёга.

От мысли, что все это богатство, вся эта играющая на солнце красота трехлитровых банок может быть использована для мирных целей, у него захватывало дух. Теперь Тютюнин даже не мог себе объяснить, почему он так долго был против новых попыток очистки настоек.

– А ты, я так понимаю, созрел? – осведомился Леха, и на его лице заиграла плутовская улыбка.

– Не то что созрел – перезрел уже, – махнул рукой Серёга.

– Случилось, что ли, чего? Заболел?

– Да нет, это все яйца...

– Ну, значит, заболел, – настаивал Леха.

– Да не, яйца фламинговые.

– Фламинговые? – переспросил Леха. Секунду подумав, он добавил:

– Это дело политическое.

– Да какое политическое – мне на них сидеть, на этих яйцах.

– Это ещё зачем? Яйца-то фламинговые – чего тебе-то сидеть?

– Да потому что у ФЛЕМИНГИ их, наверное, утащили – ну, ты же знаешь Олимпиаду Петровну. У неё руки быстрее головы работают... Зашла в зоопарк, а там фламинга отлучилась на минутку с гнёзда, по нужде или ещё чего, так эта, блин, заслуженная работница карманной тяги тут же все и устроила. Небось очнулась уже в метро – в авоське корм для пеликана, в карманах яйца фламинги...

– Да, в этом смысле тёща твоя проворная, – согласился Леха. – Если бы она на моем заводе работала, я б, наверно, ни одного мотора не смог бы вынести – все бы ей досталось.

– И моторы, и станки, и кран-балки повышенной грузоподъёмности... – согласился Тютюнин.

– Ну, и чего вы дальше с фламингой делать будете? Съедите, как гуся?

– Нет, по задумке моей тёщи мы их должны в пруд выпустить.

– В какой пруд, Останкинский?

– Нет, Леха, в тот пруд, который наполнится дождевой водой этим летом. В нашей яме, понимаешь?

– Вон куда Олимпиада Петровна-то смекнула! – Окуркин вскочил с табуретки и принялся возбуждённо ходить по кухне. Однако, ударившись головой о подвесной шкаф, успокоился и сел на место. – Молодец тёща.

– Чего же молодец? Вдруг дождей не будет, тогда эти фламинги будут у меня в ванной жить.

– Курятник получится форменный, – заметил Леха.

– Курятник не то слово – птицефабрика.

Они помолчали, думая об одном и том же.

– Значит, переходим к следующему этапу? – серьёзно спросил Окуркин.

– Чего?

– Я говорю, будем вышибать клин клином, то есть повторно настаивать настойки на других... это... наборах трав!

– А ты говорить-то здорово насобачился.

– Ну так – литературу... это... штудирую! Осталось только посоветоваться со старушками по травам. Но это я возьму на себя.

– И когда мы все это закончим? – сглотнув, словно путник в пустыне, поинтересовался Тютюнин.

– За неделю управимся. Но если тебе приспичит, можно так бутылку взять. На бутылку у меня есть.

– Хорошо, я буду знать, – сказал Серёга. – Ну, мне пора.

– Постой, я тебя сейчас кваском угощу.

Окуркин открыл холодильник и, отодвинув в сторону помойное ведро, достал банку с квасом.

– А это чего у тебя? – спросил Серёга, указывая на ведро.

- Это? Это помойное ведро.
- А чего в холодильнике?
- Так завоняло сильно. Я туда вчера рыбы потроха выбросил, так наутро такая вонь была, что просто держись.
- Ну и вынес бы ведро, чего в доме держать?
- А там ещё и выбрасывать-то нечего. Там ещё и половины не набралось. Ну что, квас-то будешь?
- Нет, Леха, спасибо. Чего-то расхотелось. Пойду-ка я лучше домой.

31

Утро следующего дня выдалось солнечное.

Тютюнин подошёл к окну и, распахнув его, вдохнул прохладный воздух и нескольких комаров, уснувших на запотевшем стекле.

– Тютюнин! – позвала жена.

Блаженная улыбка сошла с лица Серёги, поскольку он вспомнил, что его сегодня ожидало.

– Тютюнин! – повторно позвала Люба.

– Ну? – обернулся Серёга.

– Вот, смотри! – Явно довольная собой, Люба продемонстрировала две зимние варежки, в которых сиротливо болтались фламинговые яйца.

– Варежки-то зачем? – недовольно поинтересовался Сергей.

– Чтобы яйца не мёрзли. И это ещё не все – там внутри, в варежках, два термометра маленьких, вот посмотри.

С этими словами Люба потянула за торчащие колечки и показала Тютюнину два купленных в киоске китайских термометра, измерявших китайский Новый год в далёкой провинции Кванджу.

– Смотри, чтобы температура не опускалась ниже двадцати восьми. Понял?

– Конечно понял. Что я, по-твоему, дурак? Я, между прочим, старший приёмщик, если ты ещё не в курсе.

Люба на это ничего не ответила и только усмехнулась, став при этом похожей на свою мамашу.

«Одно змеиное племя», – отметил Тютюнин. Он снова посмотрел в окно и подумал, что зря женился так рано. Ведь если бы он не женился, сейчас бы мог уже стать...

Тютюнин напрягся, пытаясь придумать, кем бы он мог стать, если бы не женился так рано, но ничего путного так и не придумал.

«Ну и ладно, пойду тогда на работу», – обиделся неизвестно на кого Серёга и подобрал со смятой постели варежки.

Позавтракав наскоро остатками заливной рыбы и выпив чаю, Серёга буркнул жене «пока» и отправился на работу.

Несмотря на ранний час, транспортные потоки на улицах быстро набирали силу. Впрочем, трамвай был обособленным транспортным средством – именно за это он Серёге и нравился. Если бы ещё не эти стыки на рельсах, которые отдавались в головах страдающих с похмелья граждан.

– У вас проездной, гражданин? – строго спросила сонная кондукторша.

– Да, только он у меня в кармане, – ответил Тютюнин.

– Ну так доставайте, гражданин, доставайте! Я что, ещё должна по вашим карманам лазить, что ли? Пооборзевали совсем.

– Сейчас, он у меня на самом дне кармана. Стараясь удержаться на подпрыгивающем трамвайном полу, Серёга достал варежку и только затем извлёк из кармана злополучный проездной.

– Вот посмотрите, – сказал он отвернувшейся к другому пассажиру кондукторше.

– Ой, да чего же вы мне его в харю-то тыкаете! Вы мне так все глаза повинытыкаете своими проездными! Понапокупали!

Тут взгляд кондукторши упал на варежку, которую держал в руке Тютюнин. Не укрылось от её внимания и то, что из второго кармана торчала другая варежка.

– Ты чего, больной, что ли? Может, сразу какую развозишь?

– С чего вы взяли? – возмутился Серёга и перед тем как положить варежку обратно в карман, на всякий случай проверил температуру. Проверил и ужаснулся – термометр показывал двадцать шесть градусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.